

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organisation

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

Союз
журналистов
России

Международная
федерация
журналистов

Moscow • 2007

Воспитание культуры толерантности в СМИ

**ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ
ТОЛЕРАНТНОСТИ В СМИ**

**МОСКВА
2007**

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organisation

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

Published in cooperation with the UNESCO Office in Moscow
for Armenia, Azerbaijan, Belarus,
the Republic of Moldova and the Russian Federation

Опубликовано при поддержке Бюро ЮНЕСКО в Москве
по Азербайджану, Армении, Беларуси,
Республике Молдова и Российской Федерации

Союз журналистов
России

Международная
федерация
журналистов

Воспитание культуры толерантности в
СМИ. М.: «Эслан», 2007. — С. 60

"Published with the financial support of the
UNESCO Moscow Office".

"The authors are responsible for the choice
and the presentation of the facts contained in this
publication and for the opinions expressed there-
in, which are not necessarily those UNESCO and
do not commit the Organization".

"Издано при финансовой поддержке Бюро
ЮНЕСКО в Москве".

"Сведения и материалы, изложенные в
данной публикации, не обязательно отражают
точку зрения ЮНЕСКО. За представленную
информацию несут ответственность авторы".

ISBN 5-94101-182-2

© СЖР, 2007

© Составители. П. Гутионтов, Н. Ажгихина, 2007

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СМИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Шада Ислам, Беттина Питерс, Айдан Уайт</i> Инициатива «Этическая журналистика»	4
Выдержки из документов о правовых и этических основах деятельности журналистов	19
Материалы круглого стола «Воспитание культуры толерантности в СМИ»	26

Шада Ислам, Беттина Питерс, Айдан Уайт

ИНИЦИАТИВА «ЭТИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА»

Качественные СМИ за Разнообразие и Плюрализм

Введение

В документе изложены основные пункты программы, направленной на увеличение осознания журналистами вызовов, с которыми они сталкиваются в ходе своей работы во все более поляризирующемся мире, где царят экстремизм в религии и культуре, общественное недоверие к традиционной политике и все растущая обеспокоенность сообществ своим будущим и отношениями с соседями.

Документ разрабатывался в период с публикации в Дании в 2005 году вызвавших противоречия карикатур и, особенно, — после встречи профессионалов в области СМИ, организованной МФЖ в феврале 2006, встречи экспертов СМИ в Осло и Бали, организованных лидерами СМИ Норвегии и правительствами Норвегии и Индонезии, а также других событий подобного рода, организованных Советом Европы, Европейским Союзом и ОБСЕ.

К тексту приложена декларация ряда профессиональных медиа-групп и групп поддержки СМИ, последовавшая за развитием данной полемики и программой, изложенной ниже.

Оригинальный документ подготовили: Шада Ислам из Центра Европейской Политики, журналист и специалист по мультикультурализму и СМИ в Европе; Беттина Питерс, директор Всемирного Форума Развития СМИ, преподает журналистику и специализируется на сотрудничестве между СМИ Европы и государств Северной Африки; и Айдан Уайт, генеральный секретарь Международной Федерации Журналистов.

Этическая журналистика

1. Вызовы современности

Нынешние времена для журналистов трудны и полны вызовов. Помимо освещения все более сложных войн, гражданских конфликтов, терроризма, международных отношений и экономического развития, перед репортерами и редакторами стоит грандиозная задача описания и комментирования социальных изменений, происходящих по всему земному шару.

Проследить быструю трансформацию некогда гомогенных обществ в подвижные, «многоцветные» полиэтничные и мульти-религиозные сообщества — задача сложная, но вместе с тем захватывающая.

Изменение социального и культурного ландшафта зачастую выливается в разногласия и напряженность по мере того, как сообщества с различной культурой, верой и традициями приспосабливаются к совместному существованию. В то же время все растущее смешение наций, рас и вер дало начало новой политической, экономической и культурной динамике по всему миру.

Темную сторону нынешних социальных сдвигов не так сложно увидеть.

По мере того как общества меняются, растет нетерпимость, расизм и ксенофобия — они вновь появляются как мощный источник опасности; политические партии, выступающие против иностранцев, становятся все более популярными. В Европе, например, нападения на небелые меньшинства стали во многих странах обычным делом, что не может не повергать в уныние и что неизбежно приводит к росту экстремизма среди сообществ меньшинств.

Масштаб недавних разногласий высветил эти тенденции. В их ряду прошлогодняя публикация карикатур на пророка Мухаммеда, расистские нападения и насилие на улицах Франции и Великобритании, гнев по поводу убийства режиссера Тео Ван Гога в Нидерландах, растущие анти-иммигрантские и анти-мусульманские настроения во многих странах, сопровождаемые сопротивлением предстоящему вступлению Турции в ЕС.

В добавление к этому, в то время как политики в большей части демократических стран настаивают на своей приверженности свободе СМИ, журналисты во всех частях света испытывают давление со стороны правительств и политиков, стремящихся заткнуть рот свободным СМИ во имя так называемой «войны с террором».

На деле, кампания против терроризма стала для многих правительств, стремящихся сломить диссидентские группы, обвиняя их в озвучивании экстремистских взглядов или защите интересов террористических организаций, удобной дымовой завесой.

В то же время экстремисты и фанатики многих стран пытаются заставить молчать умеренные взгляды, нападая и угрожая смертью репортерам. Такого рода действия особенно распространены в развивающихся странах, особенно исламских, попавших в ловушку противоборствующих систем ценностей — модернизации и консерватизма. В большинстве стран Азии и Ближнего Востока война для тех, кто говорит от имени ислама, как умеренного, так и радикального толка, — то, что происходит ежедневно на улицах.

Вызовы свободной журналистике чувствуются с гораздо большей интенсивностью репортерами арабского и мусульманского мира, где СМИ находятся под еще большим давлением правительств и экстремистских групп. Так, например, публикация в ряде арабских и азиатских газет карикатур на пророка Мухаммеда привела к арестам издателей газет. Некоторые из них были привлечены к суду, другие оштрафованы, а третьи посажены в тюрьму.

Этот процесс усугубил уже существующую напряженность и породил новое настроение нетерпимости во многих странах, где демократический плюрализм еще до конца не вызрел. В то же время, по мере того как экономические силы заставляют миллионы людей пересекать границы в поисках достойной работы и благополучия, социальные реалии выражаются в атмосфере растущей неуверенности в ценности мультикультурализма и толерантности.

Роль СМИ — отражать мнения всех и предоставлять первичную информацию для общества, состоящего из мозаики языков, религий и культур с разными историческими перспективами, — никогда еще не была более сложной и опасной.

Убийство в январе 2007 года Хранта Динка — видного турецко-армянского журналиста — печальный пример господства культуры нетерпимости в Турции и многих других частях света, где репортеров, бросающих вызов устоявшимся мнениям, заставляют замолчать.

В соответствии с данными МФЖ, беспрецедентный уровень убийств журналистов и работников СМИ, многие из которых стали жертвами политических и религиозных экстремистов, достиг пика в 2006 году — 155 смертей. Работа СМИ и дело свободы выражения никогда не находилось под такой угрозой.

Тем не менее, многие в Европе и по всему миру продолжают видеть в культурном и этническом разнообразии источник радости и гордости, равно как и важный экономический ресурс.

В Европе ранее равнодушные правительства уделяют все больше внимания продвижению прав меньшинств, борьбе с дискриминацией и предрассудками. Ведутся дискуссии о позитивной дискриминации в целях предоставления работы молодым выходцам из северной Африки. И, что более важно, некогда робкие этнические меньшинства в Европе становятся более уверенными и требовательными по мере превращения из добровольно наложивших на себя бремя молчания и изгнания в группы, стремящиеся занять свое законное место в обществе.

Повсюду, включая исламские страны, некогда молчаливые группы гражданского общества также борются за доверие. Требования реформ, доступа к образованию и прав меньшинств и женщин испытывают подъем во многих странах. Находясь под давлением требований перемен, правительства постепенно делают политическую систему более открытой, вводят демократию, признают законные права женщин и групп этнических меньшинств.

В этом отношении может быть актуально нажать на правительства — в частности через Совбез ООН и его полномочия по построению мира и решению конфликтов — для того, чтобы был сделан выбор в пользу четкой политики, принимающей во внимание необходимость для стран-членов ООН продвижения терпимости и диалога через создание условий для свободы выражения и, в частности, для преодоления законодательных преград свободной, профессиональной и независимой журналистики.

2. Ответ СМИ: на данный момент, не достаточно хорош

Многие газеты, вещательные и другие СМИ провалили задачу освещения глобальной социальной революции. Вместо того чтобы стимулировать дискуссии, расширяя осведомленность, способствовать борьбе с предрассудками и создавать понимание между сообществами, большая часть освещения в лидирующих СМИ помогла подбросить дров в огонь нетерпимости и расизма.

Несмотря на то, что по всей Европе все больше репортеров бросят вызов предрассудкам, а вещательные СМИ, особенно обладающие мандатом общественных медиа, все больше внимания в своих

программах уделяют освещению тем меньшинств¹, имеет место тревожное полуистерическое освещение данной тематики.

Вне всякого сомнения, это далеко не сугубо европейский феномен. Некоторые СМИ по всему миру виновны в предоставлении упрощенного, одностороннего взгляда на «иных». Сенсационные репортажи, возможно, помогают увеличить объем продаж в высококонкурентной медиа-среде, но они способствуют наращиванию атмосферы страха между сообществами.

В Европе некоторые СМИ остаются приверженцами старомодной и неактуальной концепции континента, на котором «иммигранты и иностранцы» — экзотические аутсайдеры, привезшие в Европу опасные идеи и обычаи. Они продолжают это утверждать, несмотря на все растущее количество доказательств того, что в регионе, где население стареет, а уровень рождаемости статичен, необходим большой, а не меньший приток мигрантов из соседних стран для того, чтобы компенсировать нехватку рабочей силы и поддерживать жизненные стандарты.

Однако, как показала общественная критика расистских рассуждений в недавних эпизодах британского телесериала «Celebrity Big Brother», такая предвзятость европейских СМИ не всегда отражает реалии европейских обществ, где люди были и продолжают оставаться терпимыми по отношению к меньшинствам.

Слишком немногие журналисты предприняли попытки отразить расовые и этнические трансформации в Европе и проявили интерес к освещению многих интереснейших аспектов формирующегося европейского мультикультурализма. Слишком многие, к сожалению, выбрали более простой, но более мрачный путь пропаганды предвзятости и предрассудков, а не борьбы с ними.

Когда в новостных выпусках доминирует неточность, когда растет количество провокационных и предвзятых статей, отдающих предпочтение разжигающим ненависть речам, направленным против иностранцев, и популистской риторике, расизм обостряется и нетерпимость укрепляется.

Большая задача для европейских СМИ, в частности, — включая телерадиовещание и Интернет-издания — правдивое освещение жизни влиятельного 20-миллионного мусульманского меньшинства Европы. Но необходимо идти дальше и выйти за рамки заголовков о «столкновении» религиозных культур.

¹ Европейский Вещательный Союз, например, разработал специальную программу (см. http://www.ebu.ch/en/union/under_banners/CulturalDiversity.php), предусматривающую совместное производство при освещении жизни меньшинств.

Недавнее расширение Евросоюза открыло двери для миллионов цыган, создав самую крупную обособленную группу в рамках сообществ этнических меньшинств с собственной историей систематической дискриминации на национальном уровне. Задача журналистов и СМИ — обеспечить сбалансированное, всестороннее и информативное освещение — никогда не была более трудной и важной.

3. Растущая значимость мировых вещательных СМИ.

Растущая значимость новостных каналов — вещающих как на арабский мир, так и на арабские сообщества за границей — новый фактор в мире публичного вещания. Влияние таких каналов как Аль-Арабия и Аль-Джазира в распространении информации — например, их способность мобилизовать миллионы людей на протест против публикаций карикатур на пророка Мухаммеда — показатель растущей силы арабских вещателей и необходимости более тесного контакта между западными и арабскими/мусульманскими телевизионными станциями.

Такое сотрудничество может быть сфокусировано на зонах общего интереса, таких как, например, безопасность журналистов в зонах конфликта или обмен информацией по существующим и потенциальным рискам.

Некоторые из этих сфер, определенные и проанализированные в рамках встреч мировых новостных каналов (среди них всемирная служба Би-Би-Си, Аль-Арабия, Евроньюс, Раиньюс 24, Раша Тудей, Си-Эн-Эн и Аль-Джазира) и получившие недавно широкую поддержку в ходе Постоянной Конференции Аудиовизуальных СМИ Средиземноморья в Турине и Венеции (СОРЕАМ), были обозначены в ряде рекомендаций, в частности, касающихся необходимости в общем подходе к реагированию на исключительные кризисы через создание постоянной связи между отделами новостей.

Это позволит создать род «горячей линии», которая даст возможность вещателям связываться с ключевыми фигурами их организаций всего за несколько минут в случаях исключительной срочности.

Менее противоречивый пункт, появившийся в результате дискуссии, содержал в себе необходимость обмена информацией об угрозах безопасности в зонах военных конфликтов и передачи сообщений о похищенных журналистах. В Венеции, например, Би-Би-Си достигла соглашения о выпуске в эфир по всему миру одновременно

призыва к освобождению репортера Алана Джонстона, удерживаемого в Секторе Газа.

Тот же подход — только более осторожно — можно использовать и для нейтрализации кризисов, например в ситуации, спровоцированной публикацией датских карикатур.

Сама по себе инициатива проводить ежегодные встречи представителей крупных новостных каналов, функционирующих в опасных зонах по всему миру, полезна и важна. В прошлом в такие дискуссии включались темы освещения противоречивых религиозных и моральных аспектов, реакции на похищения в целях снизить риск того, что заложники будут использованы в политических играх и защиты репортеров в зонах конфликтов.

Венецианская группа, созданная Постоянной Конференцией Аудиовизуальных СМИ Средиземноморья и РАИ (при активной поддержке Европейского Вещательного Союза и Вещательного Союза Арабских Стран), была недавно преобразована в постоянную сеть, которая может стать частью Инициативы «Этическая Журналистика».

Также важно укрепить существующие сети, позволяющие профессионалам в области СМИ из разных культурных слоев обсуждать общие вызовы. Европейский Вещательный Союз, к примеру, собирает всех национальных арабских вещателей с Ближнего Востока и Северной Африки (включая Израиль) и европейские общественные каналы, но он редко использовался для пропаганды призывов к культурному диалогу. Постоянная Конференция Аудиовизуальных СМИ Средиземноморья — еще лучший пример сотрудничества между профессионалами по обе стороны Средиземного моря. Вещательный Союз Арабских Стран — аналог Европейского Вещательного Союза — предоставляет еще одну естественную площадку, на которой возможно обсуждение данных проблем.

Но любое обсуждение вызовов, с которыми сталкиваются вещатели, невозможно без обсуждения вопроса влияния новой волны медиа-контента, связанной с использованием Интернета и новых коммуникационных технологий.

Так называемый «Создаваемый Пользователем Контент» — User Generated Content (UGC) — ночной кошмар для этической журналистики. Уже сегодня некоторые из самых привлекающих внимание снимков/видео — как, например, цунами 2005 года или казнь Саддама Хусейна — были сделаны не профессиональными репортерами, а людьми, которые просто оказались в нужном месте и имели при себе мобильный телефон с камерой.

Интернет — другой вызов, особенно если принять во внимание популярность блоггеров. Такие сайты как, например, сайты, которые ведет Аль-Каеда, показывающие отрубание голов заложников, ставят массу важных вопросов как то: кто несет ответственность за то, что показывается, существуют ли для блогов какие-либо моральные нормы и применима ли свобода выражения и к блогам тоже?

4. Нет новым журналистским кодексам поведения, да этической журналистике.

Всемирный кризис, вызванный публикацией карикатур на пророка Мохаммеда, привел к усилению призывов к созданию нового кодекса поведения для журналистов.

Однако подобные предложения встретили жесткий отпор. Журналисты едины в снятии ограничений со свободы слова и остаются непреклонны в том, что не должно быть новых правил, кодексов или инструкций. Политики и правительства не должны вторгаться в дела СМИ.

Мало кто сомневается, однако, что в мире, раздираемом конфликтами, как внутри обществ, так и между странами, потребность в информированной и профессиональной журналистике больше чем когда бы то ни было.

Для того, чтобы писать о более сложных, разнообразных обществах, необходим критичный и осторожный подход. Это не означает, что нужно отказаться от освещения конфликтов, но необходимо обеспечить, чтобы репортажи, раскрывающие подобные темы, были написаны с той же тщательностью, объективностью и беспристрастностью, что и остальные темы. Кроме того, особенно необходимо следить за тем, чтобы в таких репортажах не было места разжиганию ненависти и увековечиванию предвзятости.

Так, качественная журналистика предполагает, что правительственная политика оспаривается, а политики призываются к ответу, если они пропагандируют нетерпимость, ксенофобию и расистские взгляды. Широко распространенные негативные представления об иммигрантах необходимо ставить под вопрос и проверять. Необходимо отражать обе стороны истории. Подоплеку расовых бунтов, например, — чувство потерянности, порожденное растущей безработицей и расистской политикой приема на работу — необходимо объяснять. Поступки одного экстремиста или целой группы не должны приводить к демонизации всего сообщества.

Многие из этих норм были включены в декларацию принципов поведения журналиста, принятую на Всемирном Конгрессе МФЖ в 1954

году. Декларация очень четко обозначает, что «журналист должен осознавать опасность дискриминации, которой способствуют СМИ, и должен сделать все, что в его силах, чтобы избежать продвижения дискриминации, основанной на расовой, половой принадлежности, сексуальной ориентации, языке, религии, политических и других убеждений, а также национальном и социальном происхождении».

Эти принципы должны исполняться с большей твердостью, они должны приобрести большую действенность в эти трудные и вселяющие страх времена. Несмотря на то, что многие журналисты сегодня стремятся поддерживать высокие стандарты, медиа группы, в условиях жесткой конкуренции за читателя и зрителя и попыток совладать с революционными изменениями на рынке СМИ, вновь возвращаются к полной занятости журналиста, снижают инвестиции в образовательную журналистику и журналистские расследования.

5. Вопросы, требующие обсуждения и ответов

В эти нелегкие времена журналисты, стремящиеся наилучшим образом выполнять свои профессиональные обязанности, должны найти ответы на ряд сложных, но неотложных вопросов. В их числе:

- Вопрос «саморегуляции» — необходимо, чтобы она стала одним из проявлений взвешенной редакторской оценки, а не самоцензуры;
- Как способствовать большей информированности журналистов и как сделать так, чтобы они не стали объектом манипуляции экстремистов или беспринципных политиков;
- Обеспечение беспристрастности и применения основных принципов этической журналистики в ходе освещения таких сложных тем как преступления, иммиграция, взаимоотношения сообществ, религиозные убеждения и терроризм в период высокой общественной обеспокоенности;
- Практические действия, которые необходимо совершить для улучшения качества СМИ и устранения предрассудков из данной сферы, включая важность принятия на работу в отдел новостей представителей меньшинств;
- Обсуждение этих сложных тем с другими институтами гражданского общества и руководящих кругов, не подвергая опасности редакторскую независимость.

6. Новая глобальная кампания по расширению осведомленности и призыву к диалогу.

Учитывая вызовы, с которыми сталкиваются журналисты во всех частях света, мы можем утверждать, что настало время для запуска новой глобальной кампании, которая свела бы вместе журналистов, издателей, телеведущих и редакторов для укрепления свободы СМИ, повышения качества журналистики и закрепления редакторской независимости.

Такая инициатива «этической журналистики» будет направлена на то, чтобы укрепить демократические ценности через диалог и расширить осведомленность о роли, которую образованный журналист играет в создании понимания там, где есть разделение, будь оно языковым, этническим или религиозным.

Она высветит три этических принципа качественной журналистики: уважение к правде, редакторская независимость и императив минимизации вреда.

Инициатива будет сосредоточена на продвижении глобального диалога между СМИ как основополагающего и ценного элемента в любой стратегии по искоренению культурного непонимания, по построению и поддержанию мира.

Основной посыл такой кампании будет отчетливо заключаться в том, что правительства не должны вмешиваться в дела журналистики, хотя они могут создать атмосферу, позволяющую СМИ действовать свободно, через снятие препятствий и повышение статуса журналиста.

Для того чтобы добиться успеха, работа будет сосредоточена на определении первопричин разделения, конфликтного потенциала и дефицита информации, который способствует отсутствию понимания между различными группами общества.

В дополнение к этому, в рамках инициативы будут созданы структуры для диалога между представителями СМИ, правительств и гражданского общества в целях преодоления недостатков.

Что более важно, акцент будет сделан на осуществлении практических действий по улучшению работы СМИ через улучшенное образование, принятие на работу и практику новостных отделов.

Инициатива «Этическая Журналистика»: программа действий.

Цель — укрепить демократические ценности через диалог и этическую журналистику и расширить осведомленность о роли, которую

образованный журналист играет в создании понимания там, где есть разделение, будь оно языковым, этническим или религиозным.

Диалог и совместные практические действия журналистов из различных сообществ — ядро кампании.

1. Комитет кампании «Инициатива этической журналистики».

Предлагается создать небольшой комитет кампании для дальнейшего развития работы, для работы с консультантами и координаторами кампании. Комитет будет состоять из 3–4 консультантов, профессионалов в сфере СМИ, активных деятелей, имеющих контакты с организациями профессионалов в области СМИ².

2. Аудит редакторской политики, основных направлений развития, образования и приема на работу.

В рамках кампании МФЖ будет проводить аудит среди членов профессиональных организации индустрии СМИ в Европе и готовить доклад о том, какие действия предприняли медиа— и журналистские организации для того, чтобы жизнь этнических меньшинств освещалась с позиций качественной и умелой журналистики.

3. Конференции для запуска Инициативы «Этическая журналистика»

Предполагается официально запустить кампанию на региональных конференциях издателей, журналистов и журналистских организаций с участием ключевых представителей и исследователей по данному вопросу. Цель конференций — привлечь к инициативе ведущие СМИ и согласовать практическую программу работы.

В качестве первого шага предлагается организовать конференцию в Европе, которая должна совпасть с Европейским Годом Межкультурного Диалога.

4. Справочники для журналистов, издателей и создателей программ

Планируется выпуск издания, в котором будут содержаться лучшие примеры, практические подсказки и советы по внедрению куль-

---

² Эти рекомендации были согласованы на встрече профессиональных групп 11 июля 2007 года. Были привлечены: Европейский Вещательный Союз, Ассоциация Коммерческого Телевидения, Европейский Совет Издателей, Европейская Ассоциация Издателей Газет, МФЖ/ЕФЖ, Ассоциация Европейского Радио, Европейская Федерация Издателей Журналов. Также участвуют в процессе, но не присутствовали на встрече: Международный Институт Прессы и Всемирная Газетная Ассоциация.

туры тщательного, взвешенного суждения в новостных отделах. К работе будут привлечены журналисты, издатели, телеведущие и организации, активные в сфере прав СМИ и меньшинств. Цель издания — дать рекомендации и практические советы профессионалам в сфере СМИ; не налагать правила на освещение, но продвигать стандарты качественной и тщательной редакторской оценки.

5. Информационная сеть.

Партнерски используя существующие ресурсы, предлагается создать веб-сайт, на котором будет собрана информация о существующих инициативах, продвигающих качественную журналистику в межкультурном диалоге, размещены ссылки для журналистов на ресурсные и информационные сайты, создан форум для обмена информацией среди журналистов и профессионалов в сфере СМИ.

Сайт будет включать надежные источники, открытые для интервью или просто для консультаций, в случае сомнений, по межкультурным темам.

6. Образовательные семинары для журналистов.

Наилучшего результата в деле лучшего понимания различных культур и продвижения взвешенной и сбалансированной редакторской оценки в сфере обучения можно достичь, обучая журналистов из разных культурных и социальных слоев различным профессиональным навыкам. Обучение будет сфокусировано на принятии редакторского решения, на том, как отбираются и представляются новости, на важных темах, которые обычно освещают журналисты. В конце каждого образовательного курса журналисты совместно представят работу, которая будет опубликована или выйдет в эфир их СМИ.

Через работу в командах, состоящих из журналистов из разных культур, стран и слоев и через освещение разных путей, которые журналист и его редактор могут избрать в освещении новостей, обучение даст больше информации о процессе принятия редактором решения и будет способствовать тому, чтобы у журналистов возникло желание оспорить их выбор. Кроме того, на курсах для редакторов по управлению новостным отделом будут рассматриваться вопросы о том, как создать пространство для дискуссий и какие применять механизмы принятия редакторского решения.

7. Мониторинг нарушений принципов независимой и этической журналистики через доклады и освещение событий, связанных с этикой.

Через партнерское использование уже существующих структур в рамках кампании будет проводиться мониторинг нарушений этических стандартов, установленных журналистскими кодексами поведения. Сайт кампании будет средством для сбора такого рода информации. Целью кампании будет показать, как избежать нарушений и как добиться более высокого качества репортажей.

8. Двусторонние проекты.

В дополнение к обучающим семинарам инициатива будет поддерживать двусторонние проекты между медиаорганизациями по упрощению обмена журналистскими материалами и рабочими визитами журналистов участвующих в проекте СМИ. Потенциальные участники такого «обмена» между медиаорганизациями будут определены через организации издателей и вещательных СМИ, через образовательные программы и с помощью сайта. Выбор будет основываться на существующих инициативах.

9. Журналистика — библиотека мыслящего человека

Современным дискуссиям зачастую недостает пронизательных и точных интеллектуальных аргументов. Для того чтобы поднять уровень дискуссий и сделать качественную и вдумчивую редакторскую политику одной из основных целей кампании, предлагается создать на сайте кампании библиотеку мыслителя для журналистов.

В рамках Инициативы «Этическая Журналистика» известным и уважаемым личностям из мира журналистики и медиаобразования будет предложено написать эссе по ключевым вопросам, с которыми сталкиваются журналисты в своей работе. Среди них:

- Свобода слова и вероисповедания: взаимосвязь или противоречие?
- Первая поправка или статья 10 — выбор журналистов?
- Освещая тему миграции — экономическая выгода, культурные вызовы?
- Слова тоже оружие — важность языка в освещении события
- Видеть значит верить: выбор редактора и влияние медиаобразов
- Деньги в СМИ говорят: отдельные голоса и общественные ценности

- Гражданская журналистика: блоги, стандарты и глас народа?
- Безмолвные привратники — может ли общественность повлиять на СМИ?

Такого рода эссе вызовут дискуссию в рамках профессии, дадут поддержку тем, кто хочет оспорить выбор редактора, и обеспечат поле для размышления и обсуждения.

И в заключение, инициатива напомнит журналистам о том, что их ключевая задача — объективно, оперативно и независимо предоставлять обществу точную информацию, давая понимание сложности и вызовов современного мира.

Приложение:

Этическая журналистика — ответ росту новой нетерпимости.

1. 15 февраля в Брюсселе МФЖ провела встречу, в ходе которой профессионалы в области СМИ обсуждали публикацию в Дании и за ее пределами карикатур, ставшую таким оскорблением многим в Европе и по всему миру. Участники встречи приняли следующее заявление:
2. Хотя все профессиональные группы понимают важность в ходе работы журналиста принятия во внимание религиозных чувств, они едины в осуждении насилия, запугивания, убийств и угроз смерти, сопровождавших некоторые протесты против публикации и перепечатывания этих карикатур.
3. Участники встречи еще раз подтверждают, без каких бы то ни было оговорок, что свобода выражения и мнения — базовая и основная ценность демократии и прав человека, ограничения здесь неприемлемы.
4. Участники встречи полагают, что все СМИ должны работать профессионально в том, что касается освещения религиозных, культурных тем, вопросов прав меньшинств, и не должны делать ничего, что может создать ненужную напряженность, разжечь ненависть и спровоцировать насилие.
5. В то же время, участники встречи едины в видении того, что этические и профессиональные обязанности — единственного рода обязанности журналистов и других профессионалов в области СМИ в их свободной работе.

6. Участники встречи не согласны с необходимостью принятия новых наднациональных кодексов поведения или инструкций или новых законов. Уже существующих добровольных кодексов, некоторые из которых существуют более 50 лет, вполне достаточно.
7. Участники встречи приветствуют усилия по продвижению диалога и повышению осведомленности среди журналистов и СМИ о необходимости этической и ответственной работы.
8. Участники согласны продвигать сотрудничество в рамках и между профессиональными группами и приветствует инициативы создания диалога между журналистами разных культурных традиций.
9. Цель такого сотрудничества — усиление качества СМИ и осознания журналистами важности информированного освещения событий, когда речь идет о межкультурных и религиозных вопросах.

В заключение, участники согласились скоординировать в ближайшие месяцы свои усилия и запросить МФЖ созвать очередную встречу профессиональных работников медиа для обсуждения этих тем как на региональном, так и на международном уровне; они также призывают представителей медиасообщества арабского и мусульманского мира принять участие в этом процессе.

Брюссель, 15 февраля 2006

Заявление представлено от имени: Ассоциации Коммерческого Телевидения, Европейского вещательного Союза, Европейской Федерации Издателей Журналов, МФЖ и Международного Института Прессы.

Среди других участников встречи, не подписавшихся под заявлением: Арабские Репортеры за Журналистское Расследование, Союз Журналистов Дании, Европейская Комиссия Совета Европы по борьбе с Расизмом и Нетерпимостью, Европейский Центр Мониторинга Расизма и Ксенофобии, Европейская Ассоциация Издателей Газет, Международная Поддержка СМИ, Всемирный Форум Редакторов Всемирной Газетной Ассоциации, ЮНЕСКО и ведущие международные корреспонденты из Брюсселя.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКУМЕНТОВ О ПРАВОВЫХ И ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ

Из Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г.

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, со-единенный общей судьбой на своей земле,.. принимаем Конститу-цию РФ.

Разд. 1, гл. 1, ст.

1. Все равны перед Законом и судом.
2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеж-дений, принадлежности к общественным объединениям... Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, языковой или религиоз-ной принадлежности.

Ст. 29.

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова.
2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную не-нависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового пре-восходства.

Ст. 69. Российская Федерация гарантирует права коренных ма-лочисленных народов в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права и междуна-родными договорами Российской Федерации».

Из Закона РФ «О средствах массовой информации»

Ст. 4. Не допускается использование СМИ в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную, специально ох-раняемую законом тайну, для призыва к захвату власти, на-сильственному изменению государственного строя и цело-

стности государства, разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны.

Ст. 51. Запрещается использовать права журналиста на распространение информации с целью опорочить гражданина или огромные категории граждан исключительно по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями. Из Уголовного Кодекса РФ

Ст. 74. Умышленные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, пропаганду исключительности, либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, а равно- прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан, в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или отношения к религии, наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом...

Из Всеобщей Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.

Ст. 2. Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА

*Принят Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года.
Москва*

1. Журналист соблюдает законы своей страны, но в том, что касается выполнения профессионального долга, он признает юрисдикцию только своих коллег, отвергая любые попытки давления и вмешательства со стороны правительства или кого бы то ни было.

2. Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен.
Журналист обязан четко проводить в своих сообщениях различие между фактами, о которых рассказывает, и тем, что составляет мнения, версии или предположения, в то же время в своей профессиональной деятельности он не обязан быть нейтральным. При выполнении своих профессиональных обязанностей журналист не прибегает к незаконным и недостойным способам получения информации.
Журналист рассматривает как тяжкие профессиональные преступления злонамеренное искажение фактов, клевету, получение при любых обстоятельствах платы за распространение ложной или сокрытие истинной информации; журналист вообще не должен принимать, ни прямо, ни косвенно, никаких вознаграждений или гонораров от третьих лиц за публикации материалов и мнений любого характера.
Убедившись в том, что он опубликовал ложный или искаженный материал, журналист обязан исправить свою ошибку, используя те же полиграфические и [или] аудио-визуальные средства, которые были применены при публикации материала. При необходимости он должен принести извинения через свой орган печати,
3. Журналист сохраняет профессиональную тайну в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не может принудить его к раскрытию этого источника.
4. Журналист полностью осознает опасность ограничений, преследования и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью.
Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его: профессионального внимания. Он воздерживается от любых пренебрежительных намеков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека. Журналист придерживается принципа, что любой человек является невиновным до тех пор, пока судом не будет доказано обратное.
Только защита интересов общества может оправдать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека.

5. Журналист полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должностей в органах государственного управления, законодательной или судебной власти, а также в руководящих органах политических партий и других организаций политической направленности.
Журналист сознает, что его профессиональная деятельность прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие.
6. Журналист считает недостойным использовать свою репутацию, свой авторитет, а также свои профессиональные права и возможности для распространения информации рекламного или коммерческого характера, особенно если о таком характере не свидетельствует явно и однозначно сама форма такого сообщения.
Журналист не должен использовать в личных интересах или в интересах близких ему людей конфиденциальную информацию, которой может обладать в силу своей профессии.
7. Журналист отказывается от задания, если выполнение его связано с нарушением одного из упомянутых принципов.

ЗАЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЖУРНАЛИСТОВ О ПРИНЦИПАХ ПОВЕДЕНИЯ ЖУРНАЛИСТОВ

Принято Вторым Всемирным Конгрессом Международной федерации журналистов в Бордо 25–28 апреля 1954 года и дополнено на XVIII Всемирном конгрессе МФЖ 2–6 июня 1986 года

Это международное Заявление провозглашается нормой профессионального поведения для журналистов, занимающихся сбором, передачей, распространением и комментированием новостей и информации и описанием событий.

1. Первый долг журналиста — уважение к правде и к праву общественности знать правду.
2. В целях выполнения этого долга журналист всегда обязан защищать принципы свободы в честном сборе и публикации новостей и права на справедливый комментарий и критику.
3. Журналист должен готовить сообщения только в соответствии с фактами, происхождение которых ему известно. Журналист не должен скрывать важные сведения или фальсифицировать документы.
4. Журналист должен пользоваться только честными методами получения информации, фотографий и документов.

5. Журналист должен делать все что в его силах, чтобы исправить опубликованную информацию, неточность которой нанесла вред.
6. Журналист должен соблюдать профессиональную тайну относительно источников информации, полученной в конфиденциальном порядке.
7. Журналист должен осознавать опасность дискриминации, которой способствуют средства массовой информации, и делать все возможное, чтобы избежать содействия такой дискриминации, обусловленной, в частности, расой, полом, сексуальной ориентацией, языком, религией, политическими и прочими взглядами, национальным или социальным происхождением.
8. Журналист должен считать серьезными профессиональными нарушениями следующее:
  - плагиат;
  - злостное искажение правды;
  - клевету, злословие, диффамацию, беспочвенные обвинения;
  - принятие взятки в любой форме за публикацию;
  - или сокрытие информации.
9. Журналисты, достойные этого звания, обязаны считать своим долгом- честно соблюдать провозглашенные выше принципы. В рамках общего права каждой страны в профессиональных, делах журналист должен признавать только юрисдикцию коллег, исключая любое вмешательство со стороны правительства и других лиц.

РЕКОМЕНДАЦИИ 1277 (1995) ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СОВЕТА ЕВРОПЫ О МИГРАНТАХ, ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНАХ И СМИ

1. Иммиграция и наличие этнических меньшинств являются неотъемлемой частью современной Европы. Крупные общины иммигрантов постоянно проживают в наших обществах и вносят вклад в его благосостояние и определяют его неоднородный состав.
2. Освещение в СМИ вопросов, имеющих отношение к проблемам иммигрантов и этнических меньшинств, оказывает большое влияние на общественное мнение. Хотя СМИ являются важным средством борьбы с расизмом и ксенофобией, предрассудками и предвзятыми идеями, они в то же

- время могут способствовать возникновению и усилению подобных взглядов.
3. Мигранты и этнические меньшинства должны освещаться в СМИ всесторонне и беспристрастно. Это одно из первых шагов к тому, чтобы все граждане восприняли более умеренный подход к иммиграции и культурному многообразию в обществе, стали рассматривать иммигрантов и членов этнических меньшинств как равных себе. Объективный образ может быть создан на основе ответственного подхода со стороны журналистов при освещении указанных проблем, а также при условии, что представители этнических меньшинств и мигранты получают более широкий доступ к СМИ на всех уровнях. Ассамблея определяет указанную проблему как проблему первостепенной важности и считает, что СМИ и компетентные власти должны сделать все возможное для достижения поставленных целей.
  4. СМИ являются важным средством для информирования мигрантов об их родной стране, культуре, языке. Они призваны внести свой вклад в налаживание связи между мигрантами и их новой страной проживания. Они также позволяют мигрантам не терять связь со своей родной страной, предоставляют им возможности для выражения своих мыслей и поддержания контактов с членами их общины.
  5. Ассамблея рекомендует Комитету Министров следующее:
    - 5.1. Через существующие органы Совета Европы содействовать тому, чтобы профессиональные журналистские ассоциации подготовили, если они еще этого не сделали, кодексы поведения, в которых были бы разработаны этические принципы для руководства деятельности журналистов;
    - 5.2. обеспечить институциональную и финансовую поддержку для учреждения ежегодной пан-европейской награды журналистам или изданиям, которые внесли заметный вклад в борьбу против нетерпимости и расизма, например, за создание объективных и сбалансированных материалов о мигрантах и этнических меньшинствах;
    - 5.3. поручить Европейскому Комитету против Расизма и Нетерпимости [ЕКРН] обратить особое внимание на законодательства стран-членов и их политику по борьбе с расизмом и нетерпимостью в СМИ;
    - 5.4. пригласить страны-члены принять участие в следующем:
      - решительно провести в жизнь законы, запрещающие любое подстрекательство к расизму и фашизму в СМИ, и, где не-

- обходимо, предписать принятие или усиление указанных законодательств;
- содействовать образованию и расширению доступа на рынок труда для иммигрантов и представителей этнических меньшинств;
  - совместно с СМИ начать проведение образовательных и профессиональных подготовительных программ для иммигрантов и представителей этнических групп для того, чтобы обеспечить им более широкие возможности работы в СМИ;
  - поощрять организацию семинаров и обучающих курсов для журналистов по вопросам взаимодействия различных культур; преподавание в школах журнализма курсов этики, уделяя основное внимание проблеме нетерпимости;
  - время от времени анализировать журналистские работы, оценивая качество освещения проблем мигрантов и этнических групп, учредить награды за выдающиеся журналистские работы в этой области;
  - поощрять деятельность общественных и частных СМИ по борьбе с расизмом и ксенофобией посредством объективного освещения проблем мигрантов и меньшинств;
  - предоставлять возможности для привлечения представителей мигрантов и этнических общин в работу на радио и телевидении;
  - добиваться, чтобы официальные службы по связям с общественностью обеспечивали полную, непредвзятую информацию по вопросам, имеющим отношение к мигрантам и этническим меньшинствам;
  - оказывать поддержку в подготовке программ по вопросам взаимодействия различных культур и иммиграции, включая программы на языке мигрантов;
  - поощрять деятельность местных СМИ по интеграции мигрантов в жизнь местных общин;
  - совместно с Фондом Еврообразов и Европейской Конвенцией по кинематографическому совместному производству содействовать сотрудничеству в создании совместных фильмов, привлекая продюсеров из стран прежнего проживания мигрантов, создавая фильмы, посвященные мигрантам и этническим меньшинствам;
  - ратифицировать, в том случае, если это не было сделано раньше, Европейскую Конвенцию.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СМИ»

30 мая 2007 года в рамках Всемирного Конгресса Международной федерации журналистов был проведен круглый стол «Воспитание культуры толерантности в СМИ»

Павел Гутионтов, секретарь союза журналистов России, ведущий круглого стола. Разрешите представить участников Круглого стола, которые подготовили свои выступления заранее: это Равиль Бухараев, поэт и публицист, ныне проживающий в Англии, и представляющий на этом Конгрессе Би-Би-Си; профессор Алексей Кара-Мурза, известный политолог и историк, Институт Философии АН России; Сулиета Кусова, директор Центра Этнопроблематики в средствах массовой информации, и Виктория Ивлева, специальный корреспондент «Новой Газеты».

Прежде чем предоставить слово своим товарищам, произнесу несколько слов в качестве вступления. По моим представлениям, в сегодняшней российской прессе наличествует очень серьезная и очень опасная тенденция. Если буквально десять лет назад в серьезной, качественной федеральной газете было невозможно найти публикаций ксенофобских, фашистских, расистских, вызывающих, культивирующих нетерпимость в любой форме, — подобная тематика была уделом так называемой маргинальной прессы, — то ныне эта тематика уже полностью заполонила страницы самых вроде бы серьезных газет, и телеэфир ведущих телеканалов. Я приведу несколько последних примеров. Разнузданная, абсолютно неприличная кампания, которая разразилась в российской прессе осенью прошлого года и касающаяся Грузии. Кампания позорная. Очень немногие журналисты в очень немногих газетах нашли силы и возможности хотя бы не одобрить ее, не то чтобы выступить решительно против. Затем эта анти-грузинская кампания перешла в более широкую кампанию, кампанию выдворения из России, из российских городов (начали почему-то с рынков) инородцев вообще. Публикации, которые мы видели на эти темы, вызывают чувство глубокого стыда за страну, в которой живем. История с Бронзовым солдатом в Эстонии — она очень сильно дополняет эту картину. Разговор не о том, насколько правильно поступило эстонское правительство, в конце концов, дело оценки эстонского правительства — это прежде всего дело самих

эстонцев, дело людей, проживающих в Эстонии. Нам надо подумать о том, какими показали себя мы, русские. Такого всплеска великодержавного шовинизма, презрения к окружающим, нежелания никого слушать, высокомерие, достигшее запредельного градуса, — мы с этим столкнулись практически повсеместно. Я вам приведу только одну цитату.. Эти стихи были напечатаны в газете «Комсомольская Правда», в качестве редакционного фельетона, который они дают еженедельно. Фельетон большой, стихотворение большое. Я зачитаю его последние строки.

«Увещевать — но смысла в том не вижу я.
На разговор похожи рельсы шпал.
Недалеко есть Псковская дивизия.
Короткий марш-бросок — и Таллинн пал.
Мне скажут, — но ведь, тем не менее,
Общественное будет против мнение.
Эстония де нынче входит в НАТО.
Ну и чего, а НАТО это надо?
На их слова не стал бы покупать я.
Подумаешь, признают — оккупация.
Ну поворчат, ну поскрипят зубами —
Свободы, мол, огонь опять погас.
Договоримся с этими жлобами,
Отца и мать они сдадут за газ.
Сказать, эстонцы, я не побоюсь, —
Поможет вряд ли вам Евросоюз».

В общем-то, если положить руку на сердце, здесь есть тема не только для разговора на Круглом столе о толерантности, но и для разговора в прокуратуре по поводу призывов к войне и многим другим действующим статьям Уголовного Кодекса. Но эти вот прямые угрозы соседям, это безмерное пренебрежение, которое царит в разговоре о людях другой национальности, другой веры, других политических воззрений, эта нетерпимость, достигающая, я повторяю, запредельно высокого градуса — градуса кипения — подобными вещами наполнены, повторяю, уже не бульварные газеты, не листки мелких, экстремистских, как у нас принято говорить, групп, это работа журналистов центральных изданий.

Это явление очень тревожное. Упраздняется культура диалога. Не могу сказать, чтобы история России дала много примеров такого диалога, «согласного» с «несогласным», если говорить в терминах сегодняшней российской политики. Но ныне диалог сменяется к

борьбе на уничтожение. Власть не хочет слушать ничего, чего бы она не знала сама и ничего, чего бы она не хотела о себе услышать. Это принципиально важно и для настоящего моей страны, и для ее будущего. Потому что в таких условиях будущего, нормального будущего, не создать.

Сейчас я счастлив передать слово Равилю.

Равиль Бухараев. Спасибо, Паша. Добрый день. Тон, как говорится, и камертон, может быть, нашего Круглого стола задан в определенном смысле, но мне хотелось бы поговорить несколько отвлеченнее и в то же время на конкретных примерах о том же самом. Начиная с названия, может быть, нашего Круглого стола, потому что мы говорим о толерантности, в переходной формации, в переходных обществах. У меня есть большое сомнение в том, что переходность эта вообще хорошая среда для формирования толерантности в том смысле, в каком мы эту толерантность понимаем.

Можно сравнивать, какова она, эта толерантность, в различных частях света, какова она в России, какова она в бывшем Советском Союзе, какова она по всему миру. Сейчас колоссальное количество примеров, по которым мы можем говорить. Это и политика, это и межнациональные проблемы, это и межрелигиозные проблемы, которые все чаще выходят на передний план. И все это круто завязано на том, что у каждого человека есть свое мнение, которым он дорожит, и круто завязано на том, что сама проблема свободы слова, как таковая, тоже постоянно упоминается в связи со всеми этими проблемами. Но Паша здесь произнес ключевое, я думаю, слово — диалог, о том, что диалог, он идет, ему мешают, или он каким-то образом пробивается, как ручей сквозь камни.

Мне довольно сложно говорить на эти темы, и в то же время легко, потому что так уж получилось по жизни, что живу я в Великобритании, в Англии, в Лондоне, и говорю там на русском языке, потому что я работаю на русской службе Би-Би-Си. Я нахожусь в этом смысле на пограничной какой-то полосе, потому что я мусульманин верующий, и в то же время всегда был русско-татарским писателем. По национальности я татарин, опять же вся моя жизнь проходит в русской литературе и литературе мира. То есть и в этом смысле я являюсь как человеком, который наблюдает за этими процессами как бы со стороны, и в то же время, конечно, я еще и продукт того, что получается, когда некая данность, национальная, религиозная, культурная выпадают, в общем, в иную среду, и эта данность должна как-то функционировать в этой среде.

Диалог — это вообще интересное слово. Потому что можно вести диалог ради самого диалога, и есть другой диалог, который единственно и полезен в той сфере, о которой мы с вами говорим. Это когда обе стороны, не смотря на все свое несогласие, говорят друг с другом, заранее поняв и внутри себя допустив, что обратная сторона имеет какую-то истину и какую-то правду, которая годится и для тебя самого. Вот если с этим настроением заниматься диалогом, то есть с желанием и с возможностью, с допущением, что ты можешь что-то познать для себя полезное, и можешь на самом деле изменить свою точку зрения, тогда этот диалог имеет смысл. Если ты заранее выходишь для того, чтобы поговорить, выкричатся и высказать только то, что ты сам думаешь, это не диалог. Это разговор двух глухих, двух людей, которые, так сказать, кричат через пропасть без всякого желания проложить через нее мост. И в этом смысле и толерантность тоже можно воспринимать как возможность понять, и желание понять другого, и как простое равнодушие. Можно быть равнодушным и при этом вполне сойти за толерантного человека. Пока тебя ничто не тревожит, пусть это эстонская проблема, пусть это проблема мусульманская, пусть любая другая, — пока она тебя конкретно не тревожит, ты можешь сойти за толерантного человека, потому что это тебя не касается. Но как только возникает ситуация, в которой ты не можешь быть в стороне, просто на тебя со всех сторон все это льется, — здесь тебе нужно сделать выбор. Толерантность и выбор — это, в общем, две вещи очень близкие. Потому что тогда ты понимаешь, какова твоя позиция в этом отношении. Я сейчас говорю не только о России, я говорю еще и о Лондоне, где я живу, где тоже возникают различные проблемы на этой почве. Если смотреть по британской прессе, а я ее читаю подряд, так сказать, ежедневно 15 лет, и я могу видеть, как меняются тенденции в зависимости от политической ситуации в мире, я могу тоже массу примеров привести, скажем, по поводу сербского вопроса, в 99 году. Каким образом он освещался в качественных газетах, и в таблоидах. Я могу привести примеры о том, как освещается проблема «датских карикатур», которая весь мир всколыхнула — и опять была связана со свободой слова в первую очередь. И много-много других вещей. Другое дело, что в британской прессе существует некая, я бы сказал, карта, что ли, в которой достаточно понятно, какова позиция изначально той или иной газеты. Существует «Дэйли Телеграф», которая выражает одно мнение и старается свою традицию сохранять; существует «Гардиан», которая сохраняет свою традицию; существует, наконец, «Индепендент», с его очень своеобразным отношением, например, к войне в

Ираке и так далее. То есть там существует лицо издания, хотя — очень странно бывает смотреть, когда вдруг, в зависимости от какого-то веяния, возникает ситуация, в которой все газеты, несмотря на свои различные лица, вдруг начинают говорить в один голос. Когда на Западе это возникает, это производит особенно удручающее впечатление.

Вот Паша Гутионтов говорил об Эстонии, и это совсем недавняя история. Так уж получается, что по роду своих занятий на Би-Би-Си каждое утро я в первую очередь просматриваю прессу и британскую, и американскую, и российскую, конечно, ту, что доступна по Интернету. И можно действительно, написать, наверно, очень серьезную книгу об этом, потому что ситуация ведь очень глубокая на самом деле, очень многогранная и неоднозначная.

Для себя я здесь выделил три вещи. Первое: толерантность — это не достижение какое-то, а лишь процесс, так как любое демократическое состояние и демократическое право может быть только процессом, процессом борьбы за что-то в тех или иных условиях. Нельзя достигнуть толерантности и жить в толерантности. Потому что жизнь постоянно тебе подсказывает какие-то ситуации, в которых тебе нужно делать выбор. Второе — желание понять предполагает желание думать. Насколько наша современная пресса дает такую возможность человеку, думать самому, — это на самом деле вопрос вопросов. И насколько она высказывает то, что она хотела бы, чтобы люди думали. И третье, насколько я вижу задачу прессы, и насколько я сам пытаюсь в этом работать, это все-таки, без всякого менторства здесь, поверьте, это все-таки давать возможность людям думать, и этом смысле учить людей думать, на основе фактов но в контексте чего-то. Факт вне контекста — это вообще оружие страшное, так же как камень из пращи. Неизвестно, кстати, откуда он выскочил, этот камень, но вне контекста действительно, факт — это убийственное оружие. И оружие настолько же отвергающее, так сказать, истину, насколько оно может быть приближающим ее.

Вот посмотрите, какая ситуация возникла с Таллинном, я продолжу. Я читаю «Уолл Стрит Джорнал» — газету, которая, правда, не прославлена благожелательным отношением к России вообще, и особенно в последние годы, последние полтора года — два года. И вот там, значит, несколько статей идет по эстонской проблеме: естественно, гигантская Россия, которая, естественно, давит сапогом маленькую Эстонию, и все это происходит, конечно, 8, 9, 10 мая, как вы помните. Восьмое мая для западного мира — это священная дата, это очень большая дата, конец Второй мировой войны. И девято-

го мая, и тут десятого мая я открываю «Уолл Стрит Джорнал» и вижу одну статью, которая меня потрясла. Статья эта называется «Товарищи по оружию ставят памятник в Афганистане». Статья довольно серьезная, большая статья говорит о том, что на базе в Баграме, которая была когда-то советской базой, и которая сейчас американская база, два сержанта авиационных, американских, нашли на этой базе где-то на отшибе, на окраине, маленький мемориал, поставленный еще во времена советских войск. Они не могли понять, что это такое, потому что он был полуразрушен. Их это заинтересовало, и они нашли человека, единственного из эскадрильи, который остался в живых, летчик, в Новосибирске, списались с ним и восстановили этот мемориал. Так что мемориал этот был восстановлен руками американских военных, на базе в Баграме, мемориал того, что называлось тогда «советский воин-интернационалист».

И все, никаких выводов из этого в заметке сделано не было, кто хороший, кто плохой. Говорилось просто так, что вот когда этих солдат спрашивали американских, — зачем вы это делаете, почему?, — (а сейчас они даже подали заявление в афганское правительство, чтобы оно утвердило этот мемориал на правах памятника), — они говорят, — нас не интересует политика, они были такие же солдаты, как мы. И все. Вот это была статья, и за последние годы это была из тех статей в «Уолл Стрит Джорнал», которая на самом деле показала, что такое толерантность, что такое отношение к самым острым проблемам — не забывайте, что это было на фоне Бронзового солдата в Эстонии. Там не упоминалась Эстония, там не упоминалась Россия, там не упоминалось ничего, кроме самой ситуации. Что есть памятник, и солдаты, американские, которые этот памятник восстановили. И которые нашли людей живых в Сибири, и так далее.

Понимаете, то же самое произошло, например, с этими датскими карикатурами. Я пошел на Трафальгарскую площадь, когда там лондонские мусульмане стали протестовать. Мирным образом разрешенная демонстрация на Трафальгарской площади против того, что мусульмане считают оскорблением памяти их Пророка. И моего Пророка. Там было много каких-то буклетов, книжечек, которые рассказывали о Пророке, и там было два молодых человека, англичанина, с которыми я разговорился. И один был очень возмущен тем, что он видит. Он говорит, — ну что они вылезают и начинают говорить? Это же свобода слова. С этим можно спорить, можно не спорить, но так думает этот молодой человек лет двадцати пяти, что у него есть полное право демократическое в атмосфере свободы слова оскорблять какую угодно религию, ибо это его право. Я стал с ним разгова-

ривать, не спорить, потому что спорить здесь бесполезно, понимаете, такие проблемы в спорах не решаются. Я говорю, понимаете, какое дело, для мусульман Пророк — это не просто пророк религиозный. Мусульмане так воспитаны, что Пророк для них ну, как предок, как их собственные родители, жены Пророка — это матери все, — вот так воспитываются с самых малых лет. И поэтому оскорбление Его равносильно даже не оскорблению твоих родителей, а оскорблению их памяти и оскорблению памяти их могил. Вот понимаете, каким бы вы ни были демократическим свободным человеком, вы же не пройдете мимо кладбища чужого и не плюнете на могилу только потому, что вы можете это сделать? Только потому, что можете и вам за это ничего не будет.

Ужасно, конечно, когда другой человек тебя просто не понимает. Приходится по-другому здесь работать. И ситуация Ислама как я вижу ее, потому что в Исламе происходит, на мой взгляд, агония догматического сознания, причем тех догм, которые не имеют ни малейшего отношения к самой вере и религии, а к тому, что за четырнадцать веков в Исламе стали воспринимать как традицию. Что на самом деле религиозных корней не имеет, а имеет корни исторические и имеет политические причины в разные века.

Я хотел бы уже завершить, а завершить я хотел бы цитатой из Корана. Можно из Корана, как из любого цитатника, вытащить массу вещей вне контекста, также как вытаскивается вне контекста много фактов в современной прессе. Но контекст крайне важен, и он совершенно необходим, без него просто нельзя. Так вот в этом контексте Коран говорит: «О люди! Мы сотворили вас из единой души, из мужчины и женщины, и сделали вас народами и племенами, зачем? Дабы вы могли познавать друг друга. И самый лучший из вас в глазах Аллаха тот, кто самый праведный из вас.»

Не тот, кто самый сильный, не тот, кто самый умный, не тот, кто самый могучий или технически оснащенный, или считающий, что у него миссия какая-то на земле есть, как считают в этой стране, и в нашей, и в другой стране, — кто праведный, вот единственный показатель. А второе — вот это кораническое понимание, что люди разные только для того, чтобы они стали понимать друг друга, и в этом понятии, как между мужчиной и женщиной в любви, они становились единым существом и единым духом, потому что даже среди мужчины и женщины всегда существуют, как бы они не любили друг друга, существуют проблемы толерантности. Я хочу этим закончить, потому что я считаю, что эта проблема — она в той же степени духовная, сколь и политическая и всякая другая. Спасибо.

Павел Гутионтов. Спасибо большое, Равиль. (*Аплодисменты.*)

Рассказ о памятнике в Баграме напомнил мне то, что я прочитал позавчера в «Новой Газете». Может быть, и вы ее тоже видели, эту публикацию. Она меня потрясла, я главному редактору Муратову даже сказал, что это лучший у них материал за последние полгода. Он немножко обиделся, но я думаю, что я прав.

Это заметка о том, что в городе Западный Голливуд в Калифорнии, по инициативе пятисот ветеранов Великой Отечественной Войны, уже старых людей за восемьдесят лет, иммигрантов из бывшего СССР, муниципалитет города за свои деньги установил мемориал в память советских солдат, погибших на другом от американцев континенте, за два океана от них. Его украсили силуэтами журавлей и на двух языках строчками Гамзатова. Тоже без всяких комментариев, просто было рассказано на двух страничках печатного текста об этом событии, но это тоже напомнило мне истерию вокруг Бронзового солдата, и об отношении к Америке, которое культивируется у нас сейчас, и об отношении ко всему «не нашему», которое, к сожалению, также у нас опасно культивируется. Вот, и показала эта публикация, на мой взгляд, очень серьезный пример всем нам о том, как нам следует жить, о чем думать, и очень удачно рифмуется с той прекрасной цитатой из Корана, которую только что привел Равиль.

А сейчас я передаю слово Сулиете Кусовой, культурологу и журналисту.

Сулиета Кусова. Прежде всего, я бы хотела выразить некую настороженность к слову «толерантность» как к оценочному в отношении российских СМИ. В частности, федеральной прессы. Почему до перестройки проблема толерантности не возникала в общественном дискурсе, хотя советский плавильный котел очень активно формировал национальное многоцветье в единую советскую общность. А внутренняя миграция в СССР была более активна, чем сегодня. Это не значит, что не возникало межнациональных разногласий и этнических бунтов. Периодически из котла выбрасывался сопротивляющийся переплавке национальный пар. И все же тогда нас сплачивала идея общности задач — построить великую империю СССР.

Сегодняшней respectable прессы мы привыкли доверять еще с советских времен и начала эпохи демократии, хотя практически от тех изданий остались только бренды.

Пять лет назад я начала заниматься системным мониторингом федеральных СМИ на предмет формирования в российском культурном, общественном и политическом дискурсе новых фобий. Причи-

ны появления их так глубоки и многообразны, что решать их только внедрением в умы сограждан идей мультикультурализма и толерантности — значит заранее обречь себя на поражение. На этнических и мигрантских фобиях в современной России делаются серьезные политические карьеры. Особенно меня интересовали истоки и механизмы нагнетания в федеральных печатных и электронных СМИ кавказофобии и исламофобии. По сравнению с антисемитизмом это достаточно новые «образы врага», к тому же противодействие антисемитизму, как наиболее остро обсуждаемой фобии, имеет в России сложившиеся традиции в силу давности существования самого явления и подкреплено значимостью политической, экономической, исторической и культурной ниши, которую занимает еврейский народ в мировой цивилизации. Сюда же следует добавить, что у представителей интеллектуальной еврейской элиты есть доступ к средствам массовой информации внутри страны и поддержка западных правозащитных институтов за ее пределами, есть свой «золотой фонд» — пассионарии, внесшие значительный вклад в копилку мировой культуры, что, безусловно, делает еврейскую нацию более дееспособной в утверждении своего национального достоинства и собственной ниши в российском полиэтническом пространстве. Чего нельзя сказать о кавказцах и мусульманах, тем более что каждый новый теракт в России усиливал антикавказские и антиисламские настроения в обществе. Этой теме я посвятила книгу «Россия между «Норд-Остом» и Бесланом», сделанную по материалам федеральных СМИ. Редактировал ее Павел Семенович Гутионтов. Вот тогда и получила от него первый урок толерантности. Точнее — урок интеллигентности в профессии.

Я приехала в Москву из Кабардино-Балкарии. Моя персона — классический объект для ксенофобов: лицо «кавказское», мусульманка по вероисповедованию. При этом человек абсолютно русского воображения и культуры. Будучи региональным журналистом, навивно рассчитывала, что столица жаждет услышать меня, понять и помочь. Мы создадим этот диалог «регион — столица», «Россия — Кавказ»... Разочарование было удручающим, и, безусловно, эта «обиженная тональность» прорывалась в книге. Сегодня, перечитывая ее, с большой благодарностью вспоминаю, как Павел Семенович деликатно убирал резкие оценки, фрагменты, за которые сегодня мне было бы стыдно. Не думаю, что им руководила «толерантность», скорее — внутреннее чувство такта и меры, воспитание которого — процесс длительный. Как-то в совместной командировке в Дагестан я пыталась в запале рассказать ему, какая у горцев была высокая культура,

и сколько пороков принесла нам русско-кавказская война и последующая колонизация. До XIX века мой народ — адыги — не знал, что такое сифилис. У нас ее называют «урыз уз» («русская болезнь»). На что Павел Семенович заметил: «Да, Сулиета, а в русском языке она называется «французская» болезнь». Вот такой мультикультурализм получается. Для меня эта фраза была полезней всяких нравочений. Действительно, мы все так взаимосвязаны, мы все давно проникли друг в друга, что разорвать это общественное тело, можно только искромсав его на мелкие уродливые куски (уж простите эту анатомическую метафору).

Сегодня я не нахожу понимания с некой новой генерацией журналистов, сформировавшейся в федеральных СМИ. И не потому, что они молоды по возрасту и не ведают, что творят. Некоторые из них, достаточно умудренные опытом, как господин Соколов — колумнист «Известий», который легко может обозначить нас как «горцы в грязных подштанниках». Таких примеров можно привести множество. Я не знаю, о толерантности нужно говорить здесь, или о политкорректности, или о знании, о позиции, о понимании кавказских и мусульманских сюжетов.

Зависть и горечь остались у меня от недавних семинаров по проблеме миграции, проведенных французами и швейцарцами в Москве. Всегда очень тоскливо от подобных круглых столов, которые проводят здесь европейские коллеги. Почему? Да потому что наблюдаю такую заинтересованность, такую корректность, такую любовь к собственной стране у этих специалистов-профессионалов, желание помочь и адаптировать огромную массу мигрантов, прибывающих к ним. Но если Франция несет свой постколониальный крест, то Швейцария, вообще, «страдает» незаслуженно. Так или иначе на Европу двинулся Восток: приходит огромный пласт арабской исламской культуры, и единственная возможность сосуществовать с ней — адаптировать ее, приспособить к третьему тысячелетию этот бунтующий, бурлящий мир. Это делают французы, для которых мусульмане, в общем-то, чуждая культура. Это делают швейцарцы, для которых Восток, арабы — это тоже чуждая культура. Но это почему-то не делается в России по отношению к мусульманам и по отношению к северокавказским народам, которые телами своих территорий наращивали великое тело российской империи, и уже третье столетие находятся в орбите ее государственных ценностей. Те мигранты, которые хлынули сегодня в Россию из СНГ — это тоже бывшие сограждане. Более благоприятной, чем у России, ситуации не было и нет ни у одной страны.

Но что-то происходит с нами, что мы никак не можем переварить эту массу вчерашних собственных граждан. И когда я вижу, как эта тема освещается в СМИ, я не думаю, что здесь нужно говорить о толерантности в журналистике. Скорее, это политический прагматизм, это государственная необходимость, это, в конце концов, просто проблемы выживания России, русского народа, русской нации, способной связать, объединить эту красочную этническую мозаику. Ничего этого не происходит ни на массмедийной площадке, ни в политическом дискурсе, ни в практической плоскости, и трудно отличить, кто здесь яйцо, а кто — курица.

Что такое толерантность — так часто используемое сегодня слово? Более понятно смысл его звучит в известном американском тесте. Если вам сообщат: «Ваша дочь выходит замуж за негра», — и в ответ вы скажете: «Ну и что, негры тоже люди», — вы расист. Если же вы удивитесь: «А почему вы меня спрашиваете об этом?», — то вы нормальный человек. Я думаю, что мы не скоро достигнем этого уровня; к сожалению, межнациональная пропасть, а толерантность в огромной степени связана и с межнациональными отношениями, становится все шире и шире. Любопытные социологические срезы дают обычные человеческие встречи.

Когда ловишь машину и водитель оказывается москвичом, то непременно в разговоре возникнет слово «понаехали». Наверное, мой правильный русский язык как-то маскирует мой кавказский образ, и в дороге завязывается доверительный разговор. Как аналитик, я слышу в монологе этих людей те этнические клише, которыми вооружают их мои коллеги журналисты со страниц газет, с телевизионных экранов. И когда я начинаю ненавязчиво их развенчивать, то в конце пути мы братаемся: «Действительно, у вас хорошие народы, хорошие обычаи, и проблемы у нас общие — и вообще, что нам делить...» Наверное, толерантность и будет заключаться в том, если мы побольше узнаем друг о друге. И в основу положим не тезис «толерантность и мультикультурализм», как мне кажется, непонятный для России, а простой принцип: от знания — к пониманию, от понимания — к любви. И в этом смысле дорогое для меня событие — ежегодный фестиваль в Дагомысе под названием «Вся Россия», где собираются журналисты из регионов, не отягощенные стереотипами, и оказывается, что мы интересны друг другу, у нас очень много общих проблем. Но самое печальное, это единственное мероприятие, объединяющее региональных журналистов. Сколько лет мы пытаемся пробить на федеральном ТВ цикл «Незамкнутое пространство», где можно было бы создать образ России устами тех, кто живет в разных ее

уголках, а не столичными «миклухо-макляями». Это серьезная проблема — отсутствие и информационной горизонтали и вертикали. Центр трансляции — Москва. Такова миссия столицы: не только поглощать региональные ресурсы, но и возвращать в провинцию смыслы и идеи, возвращать без столичного снобизма и высокомерия. Иначе мы так и останемся разрозненной географической мозаикой.

К сожалению, современные российские реалии оставляют мало шансов увидеть страну в ближайшее время без ксенофобии и ожесточенного противостояния всех и вся. Материала для исследования предостаточно, что и вылилось в две аналитические работы. Одна из них — «Исламофобия как политический проект», и вторая книга — «Россия для нерусских». Это анализ псевдодержавного и псевдопатриотического дискурса «Россия для русских», чем он грозит стране, взгляд «инородца» и журналиста на проблему. Причем взгляд человека, сформированного советской эпохой, где уверенность в своей этнической полноценности была гораздо тверже, чем сегодня. Нет, я не страдаю от общественной изоляции, ибо вокруг меня люди одного со мной миропонимания. Но за нами идут наши дети... Они понятия не имеют об интернационализме.

«Исламофобия как политический проект» — попытка исследования определенных механизмов, заказа на антиисламскую риторику и ее последствия. Роль России в исламском мире, равно как и полезность исламского мира для нашей страны, находятся в прямой зависимости от создания адекватного образа этой мировой религии в российском массмедийном пространстве. Но есть серьезная внутророссийская проблема мусульманского дискурса. Сегодня исламское публичное представительство не дееспособно позиционировать себя как совершенно нормальный, адекватный пласт российской жизни. Вряд ли на это могут претендовать многие наши муфтии, которые, попадая на экран, сыплют цитатами из Корана, возводя руки к небу. Между тем чтение священных писаний — интимное и камерное занятие. Столь великая мировая религия, как ислам, не нуждается в защите, подкрепленной цитированием аятов и хадисов. Это унижительно. Кроме того, среди муфтиев дефицит ярких неординарных личностей, по крайней мере, среди тех, кого мы видим и слышим в публичном пространстве. Передачу «Мусульмане», идущую на втором канале, считаю вредной для российских мусульман. Она загоняет нас в какую-то очень маргинальную нишу. Долгое время передача строилась на сюжетах из Татарстана и Башкирии, теперь здесь появились «картинки» Северного Кавказа. Лучше бы они не появлялись. Смотрю сюжет из родной Адыгеи. Главный герой — нынешний

президент республики, тогда еще ректор Технологического университета, А. Тхакушинов. Весь образ его сводится к молению за обеденным столом в кругу семьи. Еще один мой сокурсник — актер Мурат Кукан — герой сюжета: вся семья за столом в папахах, помолившись, приступает к еде. В следующей передаче аналогичный сюжет с другим персонажем. Не будь я родом из этой республики и не знай я этих людей, полное ощущение, что Адыгея — это просто Саудовская Аравия. Благочестивей республики нет на всем Северном Кавказе.

Я знаю, что многие мусульмане с удовольствием смотрят передачу «Православие» в воскресном эфире Первого канала. Это действительно вразумительное слово митрополита Кирилла о христианстве. Подобной мусульманской проповеди, к сожалению, в федеральном эфире нет. Выступления региональных муфтиев на местных каналах сводятся к обрядовой, ритуальной стороне ислама, оставляя огромные философские, культурные, исторические пласты. Дискуссии о современном поиске молодого мусульманина, о месте ислама в геополитике, в мировой культуре. О кавказской региональной специфике мусульманской религии. Т.е. масса проблем остается за рамками публичного обсуждения. А разговоры о необходимости исламского просвещения остаются, как у нас говорят, «пустыми хабарами».

И эта дезинформация, которую мы сами создаем, мешает северокавказцам полноценно присутствовать в публичной информационной сфере. Мы сами мифологизируем свое бытие. Такими нас и воспринимают. Как-то ко мне приехали корреспонденты первого канала взять интервью для итоговой программы «Время» по проблемам толерантности. Первое, о чем попросила меня юная журналистка: «Сулиета Аслановна, а вы бы не могли что-нибудь национальное готовить на кухне?» — «Могу. Сейчас я зарежу барана, буду сдирать шкуру, а вы меня в это время спрашивайте». При этом она знает, что я журналист, ее коллега, что занимаюсь исследованием серьезных проблем, но, видимо, без экзотического антуража буду менее интересна зрителю. Почему в национальной тематике никак нельзя обойтись без бус, серег и зеркал — этой папуасской экзотики? Я не знаю, о толерантности ли нужно говорить здесь, о мультикультурализме, или все-таки это принципиально другие профессиональные требования.

Что касается участия самих регионов в создании собственного, адекватного современным реалиям имиджа, участия журналистского корпуса в обсуждении острейших вопросов национального бытия,

то оно почти нулевое. Ответственно констатирую, что сегодня ни в одной республике Северного Кавказа нет СМИ, которые полноценно соответствовали бы глобальным задачам, стоящим перед регионом. О свободе СМИ, о профессионализме, о качестве журналистике можно рассуждать с большими оговорками. А региональное телевидение — это просто средневековый вариант. Даже на заре его появления оно было гораздо качественней. Правда, не все так тоскливо на Юге России. Есть яркие личности, издаются толковые газеты. Их мало, очень мало для такого сложного региона, но они есть и, дай бог, за ними появятся другие. Это уникальный в своем роде председатель Союза журналистов Дагестана Али Камалов, он же секретарь Союза журналистов РФ. Если бы подобный ему руководитель союза появился хоть в одной из южных республик, надежда на развитие рынка СМИ в ЮФО получила бы живительную инъекцию. Детище Хаджимурата Камалова — газета «Черновик» — единственное издание на Северном Кавказе, которое соответствует всем требованиям качественных СМИ. Смелая и честная газета «Чеченское общество» Тимура Алиева, журналиста, произносящего правду в очень опасных условиях. Кстати, Тимур придумал у себя в газете интересную рубрику — «Черное перо», которое получают федеральные журналисты и политики, особо прославившиеся на «любви» к кавказцам. Это его скромный вклад в борьбу с ксенофобией.

Несмотря на все законодательные акты, которыми так урожайны последние годы по борьбе с ксенофобией, по запрещению называть национальность преступности, не говорить «лицо кавказской национальности» и т.д. и т.п., — коллеги позиции не сдают. «Собака лает — караван идет», и движется наш караван в неопределенном направлении, хотя в общем векторе движения уже просматривается конечная цель. Судя по начавшимся предвыборным баталиям, ксенофобская риторика вступает в эпоху ренессанса. Московская Дума, Российская Дума как могли журналистов ограничили. Но вместо «ЛКН» появляются «южане». Национальность преступника не называют, но сообщают его фамилию и республику, откуда прибыл. Вдобавок лицо на весь экран в криминальной хронике. Вроде как закон соблюден, но и цель достигнута... Я уж не напоминаю здесь о презумпции невиновности.

Не знаю, какие законы могут заменить основные принципы профессии. В них как раз и заложено руководство к действию. Все остальные изобретения — еще один велосипед.

«Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы», постигающих азбуку демократии, принципы спра-

ведливости, свободной и независимой журналистики, имеет рекомендательные пункты, некоторые из которых очень любопытно экстраполировать на российскую прессу. Восьмой пункт в разделе **«Честность»**, понимаемой как сохранение журналистами правил честной игры, гласит: *«Избегайте резких слов и выражений, отражающих ваше мнение... Будьте особенно осмотрительны в употреблении прилагательных»*. Полезным для некоторых коллег будет напоминание еще некоторых «правил игры» в демократической журналистике: *«Объективность недостижима, поэтому акцент делается на беспристрастность; не пишите об одном в ущерб другому — чрезмерно критиковать также плохо, как и безудержно восхвалять; пропаганда — дело редакционной полосы, в информационном материале не должно быть мнения автора; заголовок — солнечное сплетение газеты, нужно уметь писать заголовок так, чтобы в нем отражалась суть материала; газета сама по себе должна стать рупором общественного мнения, отражая его целиком и представляя как можно больше разных точек зрения»*. Роль газеты в демократическом обществе основана на принятых ею обязательствах снабжать избирателей информацией, необходимой для компетентных гражданских действий. Читая этот справочник, я пыталась для себя найти центральное печатное издание, которое, если не в идеале, то хотя бы на 50% соответствовало этим рекомендациям, но так и не смогла определиться. Что касается телевидения, то подобные оценочные категории просто навны относительно этого мощного медийного монстра.

Мне кажется, давно пора начать внутрикorporативный журналистский разговор по очень важным для будущего России вопросам. Как демонтировать прочно сложившуюся медиальную ксенофобскую конструкцию? Как оценить степень деформации общественного национального сознания по отношению к окружающему иннациональному миру? Как отразился сложившийся в федеральных СМИ образ российских этносов в этнокультурном сознании самих этносов? И самый главный вопрос — почему нарушается конституционное право на получение и участие в информации граждан Российской Федерации — представителей регионов? (*Аплодисменты*)

Павел Гутионтов. Спасибо, Сулиета. Алексей Кара-Мурза, профессор, политолог, историк.

Алексей Кара-Мурза. Добрый день, уважаемые коллеги, и я действительно считаю себя вашим коллегой-журналистом, поскольку и родился в журналистской семье, и некоторое время работал главным редактором общественно-политической газеты. Однако на

ваш Конгресс я, по-видимому, в первую очередь приглашен как историк и политолог, который в том числе занимается и вопросом, который вынесен в название нашего Круглого стола: как ситуация в журналистском сообществе влияет на политику и влияет на дальнейшее определения пути развития страны, в данном случае, России.

В своих научных монографиях и статьях я защищаю следующий тезис. Прежде чем происходит переворот в общественно-политической жизни, должна произойти очень серьезная подвижка в умах и, в первую очередь, — в том смысловом ядре массовых коммуникаций, которое представляет из себя журналистика. А, если еще проще сказать: сначала происходит изменение в коммуникациях и в журналистике, в первую очередь, а потом уже побеждает та или иная политическая тенденция.

Я продемонстрирую это на двух фрагментах из российской истории. Одним, окончившегося социальной катастрофой; другом — как я считаю, позволившим России серьезно продвинуться вперед. Тогда, я думаю, нам станет ясным, что и в сегодняшней ситуации, от того, как пойдут процессы в российской журналистике, во многом будет зависеть, как мы выйдем, с каким результатом из этого переходного периода, о котором идет речь в названии нашего круглого стола. В данном случае «переходность» я понимаю, как «неопределенность»: победить может и та, и другая тенденция.

Вот тот пример из русской истории, который я называю сугубо отрицательным, — ему исполнится скоро уже сто лет. Здесь я здесь выдвигаю простой, прямолинейный тезис, который тем не менее я готов отстаивать, о котором, повторяю, я достаточно много писал. Прежде чем совершился так называемый коммунистический большевистский переворот в России, произошли, к сожалению, крайне пагубные изменения в коммуникациях тогдашней Российской Империи, в том числе и внутри самого журналистского сообщества. И Ленин сначала победил как журналист определенного типа. Не будем забывать, что во всех своих анкетах он, уже даже будучи председателем Совета Народных Комиссаров, часто по старой памяти писал: «Журналист», — свою профессиональную должность. Поэтому и памятники Ленину у нас стоят не только как коммунистическому лидеру и основателю тоталитарного государства, но и как журналисту определенного типа. Ленин-журналист — это квинтэссенция журналистской нетолерантности. Больше того, большевистствующего журнализма. Эта тенденция в России развивалась на протяжении нескольких десятилетий, она очень здорово заразила не только подпольную революционную прессу, которая призывала с самого начала

к общественным погромам и была просто пронизана нетолерантностью; она заразила и массу других сфер, которые, казалось бы, должны были противостоять этой тенденции. Практически все политические партии были крайним образом заражены вот этой тенденцией на убиение соперника, на его дискредитацию, а не на какую-то форму интеллектуального сотрудничества. Да, тогда было достаточно много прессы и было из чего выбрать, кстати, в отличие от нынешней России. Убежденный кадет каждое утро к чашке чая или кофе получал газету «Речь», которую редактировал Милюков, каждое утро писавший политическую передовицу. Каждый убежденный октябрист получал, во всяком случае в Москве, к завтраку «Голос Москвы», очень популярную газету, где часто публиковались лидеры, например, Гучков — лидер партии, председатель Государственной Думы. Все это можно было получить, и все это было разным, это был определенный плюрализм, но очень правильную вещь сказал один из предыдущих выступающих о том, что «гласность» и взаимная «слышимость» — это все-таки разные вещи. Гласность была, а взаимной слышимости не было. И в результате победила самая громкая и радикальная, но принципиально антитолерантная — ленинская тенденция. Она переборола все и всех; весь семнадцатый год, с самого начала, уже был заряжен большевизмом, тогда когда сами большевики еще не приехали из заграницы. И естественно, в ситуации всеобщей ругани и всеобщей нетолерантности победили самые радикальные политики, многие из которых начинали, кстати, как публицисты. Включая сюда и Ленина, и Троцкого, и Бухарина, и Луначарского... Строго говоря, к власти пришли вчерашние публицисты и журналисты. Я думаю, это — очень серьезный урок нашей сегодняшней прессы.

Противостояла ли «большевизму» какая-то принципиально иная тенденция? Да, в течение многих лет она активно противостояла. Надо помнить ее и постоянно о ней напоминать. Напоминать в том числе и о тех людях, которые в журналистской среде, уже в условиях большевистского террора, противостояли этой тенденции. Несмотря на все как бы попытки подтасовать голосование, уговорить, подкупить, наконец, Московский Союз журналистов, который тогда представлял собой ядро общероссийской журналистики, тайным голосованием выбран тогда был Михаил Андреевич Осоргин. Тот самый Осоргин, которого в 1922 году выкинули из страны на так называемом «философском пароходе» вместе с философами — Бердяевым, Франком, Лосским, Булгаковым и т.д. Помнит ли кто-то сегодня в нашей стране Осоргина? Ленина помнят все. Кто забывает, тому

напоминают эти фигуры, которыми уставлена вся страна. Осоргина помнят плохо. Правда, в Перми (поскольку Осоргин — он сам пермяк по рождению) регулярно проходят Осоргинские чтения, висит мемориальная доска. Я, когда приезжаю, обязательно кладу туда гвоздики, потому что он мне интересен еще и как политик, и как романист, и как путешественник. Кстати, в Италии его знают лучше, чем в России.

Вот эти две тенденции в российской журналистике дореволюционной — осоргинская и ленинская. Победила ленинская, но ту, противоположную, мы плохо помним. Нечто подобное происходило и в литературной среде. Первым председателем Союза российских писателей, опять-таки тайным голосованием, был, как известно, избран Борис Константинович Зайцев, известный русский литератор, романист, потом эмигрант. Но надо сказать, что в конце семнадцатого, восемнадцатого, в девятнадцатом году он из романистов переквалифицировался в журналисты, в своих журналистских статьях публиковал именно оперативные, очень серьезные политические памфлеты, и пользовался большой популярностью в тех еще не разгромленных средствах массовой информации, которые тогда еще были. И несмотря на все попытки Ленина, Каменева и др. протолкнуть в Председатели Союза писателей Горького наткнулись на стойкое сопротивление настоящих российских литераторов и писателей, выбрали Зайцева. А за Горького был подан только один голос, видимо самого Горького. Вот так противостояли наши литераторы и журналисты и до революции, и в первые годы революции. Кто вспоминает Зайцева сейчас? Его помнят в Калуге, где мы, силами общественных организаций, поставили мемориальную доску на училище, где он учился. Его прекрасно помнят во Франции; он похоронен на Сен Жевьев де Буа. Он ведь вообще-то — наш современник, дожил до 90 лет. Когда в 1972 году Брежнев приехал в Париж, то, по настоянию советского посольства, около двухсот человек, в основном из русских литераторов и журналистов, которые жили тогда в Париже, были интернированы из столицы и отправлены в провинцию — чтобы только не отсвечивали в момент пребывания Брежнева. И первым в списке стоял Зайцев. Но ему было 90 лет, он ехать никуда не мог и тогда его фактически заперли в собственной квартире. Тогда он, девяностолетний, но обладавший по-прежнему острейшим умом, со смехом сказал: «Помнят, значит...». А ведь это было спустя 50 лет после его вынужденного отъезда из России...

Боюсь, что сейчас нас, литераторов, журналистов, не очень-то включают во властные расчеты, может быть, потому, что нет такого интеллектуального самостояния и интеллектуальной солидарности.

А они должны быть, потому что повторяю, если будет проиграна борьба внутри медийного сообщества, мы не можем никак рассчитывать ни на какие положительные политические сдвиги. Одни либеральные политики не справятся. Может быть, еще и потому, что эти политики сами не очень тяготеют к литературе и журналистике. А ведь политики и журналисты, — они всегда были вместе. Были одновременно политиками и литераторами и Милюков, и Маклаков, и Струве...

И привожу второй пример, гораздо более позитивный, но, к сожалению, отстоящий от нас гораздо дальше. Вот, если меня, как историка и политолога спросить, а какие все-таки реформы в России удались, то из того, что можно обозреть более-менее, это все-таки Великие реформы 1860-х годов императора Александра Второго. Приведу пример, который, возможно, вам мало известен. Дело в том, что очагом будущего кабинета реформаторов, которые пришли к власти только в шестидесятом, шестьдесят первом году стала, как ни странно, команда не только политиков, но и литераторов, сгруппировавшихся вокруг печатного органа. Ведь, как известно, Александр Второй несколько лет раздумывал, что делать. После проигрыша Крымской кампании он долгое время не понимал, что надо идти на либерализацию, — только тогда Россия воспрянет. Он долго сомневался в либеральных возможностях России. Но его жизнь заставила. Точнее, заставила принципиально изменившаяся атмосфера в обществе. И огромную роль здесь сыграл малоизвестный журнал, о котором мало кто помнит, — «Морской сборник». Он был организован младшим братом Александра Второго, Великим Князем Константином Николаевичем, который собрал вокруг себя весь цвет тогдашней российской публицистики. Да, в основном, одного — либерального — политического спектра, но внутри него были разные серьезные оттенки, люди много спорили и т.д. Этот журнал не только стал самым популярным тогда в России, потому что ему патронировал Великий Князь (командующий русским флотом), но и просто самым читаемым, потому что люди вырывали его, буквально зачитывали до дыр, и многие тогда говорили, что вообще российская публицистика и журналистика существуют только потому, что есть «Морской сборник», откуда региональная пресса перепечатывала просто целые статьи. Редакция находилась там, где находился Великий Князь Константин Николаевич, и люди, которые собственно делали журнал. Это был Александр Васильевич Головнин, сын знаменитого адмирала Головнина, который спустя несколько лет стал министром народного просвещения. И Владимир Цез, который тоже был известным

литератором, а потом стал главой цензурного комитета. Они четыре года провели в морских плаваниях вместе с Великим князем и редактировали журнал в Палермо, в Венеции, в Риме, на борту корабля. Сотрудничали в «Морском сборнике» и другие будущие министры-реформаторы — братья Милютины, Рейтерн, Замятнин. Вот тогда и были заложены основы той новой «коммуникационной сферы», которая определила сначала нравственную, а потом и политическую атмосферу в обществе, когда и стали возможны собственно реформы. Это эти люди потом отменили крепостное право, провели судебную реформу, они провели военную реформу, они провели земскую реформу. К сожалению, после выстрела Каракозова с 1866 года началось сворачивание этого, Император испугался, в конце 1860-х годов их в кабинете почти не осталось. А сейчас их забыли. Кто вообще знает об Александре Головнине в этой стране? Его только недавно, благодаря, опять-таки, нашим проектам, узнали в его родной Рязани. Зато Ленина — политика и журналиста — знают и помнят отлично.

Поэтому повторяю, очень многое зависит от того, как сложится сейчас ситуация в сфере коммуникации, в сфере журналистики. Вы же знаете, что люди очень чутко отзываются на любую подвижку в медийной сфере. Вспомните годы Перестройки, когда любая альтернативная, неконформистская передача по телевидению, или какая-то публицистика, статьи в центральных газетах, вызывали такой шквал откликов, что этих людей потом на ура избирали в новые Советы, и в первые парламенты...

Но хотя политика и журналистика, конечно, связаны чрезвычайно, я бы не хотел, чтобы они слипались воедино. Для меня вообще культура выше политики, и в этом смысле журналистика, наверное, значительно в большей степени, чем даже политика, задает вот эту культурную доминанту. Поэтому от того, как сейчас себя поведет журналистское сообщество, как оно сумеет внутри себя организовать, как оно будет выступать как серьезный оппонент «погромной» тенденции в журналистике и политике — от этого сейчас очень многое зависит. Поэтому в этот ответственный период, когда вопрос «кто кого» еще не решен, я очень желаю нашему журналистскому сообществу успеха. Спасибо. (*Аплодисменты*).

Павел Гутионов. Спасибо, Алексей. Слово предоставляется специальному корреспонденту Новой Газеты Виктории Ивлевой.

Виктория Ивлева. Здравствуйте. Меня зовут Вика Ивлева, я работаю в «Новой Газете». Я не знаю, кто здесь собрался, люди ли

здесь из России или других стран, поэтому скажите мне пожалуйста — все ли знают, что такое «Новая газета», или нужно два слова сказать? Я безо всяких подлянок, я просто спрашиваю, потому что это нормально не знать. Вот я вам расскажу, что такое «Новая газета», в двух словах... Я встану — нет, я сяду.

Павел Гутионтов. Вика, говоря даже о «Новой газете», можешь сидеть.

Виктория Ивлева. Вскорости так и будет, Павел Семенович. Вскорости так и будет. Будем сидеть, говоря о «Новой газете»...

«Новая газета» — это федеральное российское издание, федеральное в том смысле, что оно покрывает всю Россию, а не в смысле приближенности к федеральным властям. Я думаю, что «Новая газета» осталась последней относительно свободной из существующей в России прессы, выходит она два раза в неделю общим тиражом примерно 600 тысяч экземпляров и распространяется по всей территории Российской Федерации, как я уже сказала, и в странах СНГ в некоторых я тоже ее видела. Пусть не в таком количестве, как «Комсомольскую правду», «Аргументы и Факты», видимо, потому что «Новая газета» печатает гораздо меньшее количество голых тел. В прошлом году мы затеяли такой проект, решили попробовать объехать все бывшие республики Советского Союза и посмотреть, что и как там происходит, какая жизнь там идет, потому что в какой-то момент мы поняли, что кроме политических игр и взаимной неприязни, драк и показов мускулов и выяснения, кто круче, мы в общем ничего не знаем ни о жизни русских, ни о жизни народов бывшего Советского Союза. Вот о том, как живут простые люди, мы не знаем абсолютно ничего. И я с радостью взялась за этот проект, потому что в свое время, когда я еще жила в Советском Союзе, я объехала все республики кроме Туркмении. И мне, конечно, было очень интересно через 15-20 лет вернуться и посмотреть, что, где и как происходило. Для всех этих историй была придумана рубрика, она называлась «СССР. Продукт после распада». Включите, пожалуйста, компьютер. Я предупреждаю, что я полный технократический диссидент, я ничего не понимаю в технике. Если что-то не будет получаться, извините меня, ради Бога. Значит, вот придумана рубрика — «СССР. Продукт после распада», каждый раз печаталась карта, каждый раз печаталась стрелочка с указанием, где находится республика, теперь самостоятельная страна, каждый раз приводились статистические маленькие данные, — население, национальная валюта и отношение ее к рублю, и стоимость очень нейтральных продуктов — хлеб, молоко, мясо, —

и средняя зарплата. Все это бралось исключительно из официальных государственных источников каждой страны, так что за эти сведения я никакой ответственности не несу. А перед тем как ехать, для того чтобы это не получилось сплошным акынством, — что вижу, о том пою, — мы решили провести такое анкетирование, достаточно серьезное, примерно на 50 человек самого разного возраста, из тех, кто родился в Советском Союзе и даже тех, кто в нем уже не родился, и мы спрашивали, допустим, я говорю слово «Грузия», и что у тебя возникает при слове «Грузия», и что у тебя возникает, какие ассоциации, при слове «Армения». Имелось в виду то, чем республика в советское время была знаменита и осталась в нашей памяти. Естественно, что это получилось достаточно субъективно, но все-таки это была репрезентативная выборка из 50 человек разной образованности, разного возраста. Я вам сейчас скажу, что в каждой республике было выбрано. Вы, естественно, начнете спорить и говорить, что нужно было взять что-то другое, но что сделано, то сделано. Пойду я по географии, так географически сложилось и толерантность здесь не причем. Эстония. В Эстонии мы взяли кильку эстонскую, «Вана Таллин» ликер, и киностудию «Таллин-фильм», почему-то в нашей памяти она так и осталась. И решили посмотреть, что происходит. Может, я вам буду сразу показывать страны? Тогда получится, правда, не географически. Так будет лучше, если я буду показывать эти газетные развороты на компьютере? Узбекистан — это хлопок. Вот это Узбекистан перед вами под названием «Страна рыб». Украина — мы взяли львовский автобусный завод и «Запорожец», запорожский автомобильный завод. Извините, он теперь очень сложно называется, с неограниченной ответственностью, я точно не помню. Таджикистан — мы взяли Нурекскую ГЭС. Это Молдова, и мы взяли производство фруктов, консервов. Это Литва, и здесь были янтарь и хутор. Латвия — был взят ВЭФ и Домский собор немножко. Киргизия — скотоводство. Казахстан — каток «Медео», Грузия — Боржоми. Белоруссия — Беловежская пуца. Азербайджан — нефть. Армения — коньяк и Спитак. Если кто не знает, Спитак — это город, в котором было одно из самых сильных в мире землетрясений, он почти полностью был разрушен. Вот вы головой киваете, а я встречаю людей вашего возраста, которые не могут назвать столицу бывших союзных республик. Не знают, где они находятся, и ничего, живут нормально. Вот здесь тринадцать публикаций, четырнадцатая — это Туркмения, о которой я сейчас пишу, и из которой я неделю назад благополучно вернулась. Сейчас я хотела бы одну цитату дать, цитата такова. «Чужелюбие вообще не входит в число наших добродетелей. Народы СССР сожи-

тельствуют как школьники. Они знакомы лишь по классной парте да по большой перемене, пока крошится мел». Осип Мандельштам, «Путешествие в Армению», 1931-32 год. Думаю, что стало только хуже. Эти материалы делала я одна, я путешествовала в гордом одиночестве в сопровождении только своих фотоаппаратов. Это было потрясающе интересно, я прожила совершенно невероятный год — это началось в апреле прошлого года и вот закончилось сейчас, в конце мая. Я помню, что в детстве, когда в Советский Союз приезжали какие-то иностранцы, они рассказывали о своей жизни, ах, я поехала во Францию, у друзей там живу, в Италию, друзья там живут, сям живут, я думаю, — надо же, вот они ездят, везде у них друзья и знакомые, как классно. И я смогла объехать четырнадцать стран, и ни в одной из них я не жила в гостинице. Не потому, что я сэкономила деньги, а потому что находились друзья, знакомые, знакомые знакомых, друзья друзей, родственники, кто-то еще, кто-то еще. Это было ужасно приятно — ощущать какое-то братство, родство, наверно, в основном, это родство называется русский язык. Потому что оно пока еще существует. Я думаю, неплохо, что оно существует, совершенно не сужу с каких-то имперских позиций, а исключительно с позиций того, что чем больше знаешь, тем, наверно, это лучше. Знание русского языка это не то познание, которое умножает скорбь, а несколько другое. Должна сказать, что за время своих путешествий я не встретила ни в одной стране ни одного человека, который бы дурно отозвался о России. Или мне бы сказал что-нибудь, типа, я не знаю, как можно назвать людей с севера, в отличии от южан — северяне, да, никто не сказал мне «ты там северная рыжая тварь». Может, я не давала повода, впрочем, мне кажется, и здесь люди не особенно его дают, а просто само теперь уже как-то складывается. Я жила среди простых людей, в Узбекистане я жила в деревне под Самаркандом, в Туркмении я ночевала тоже в каких-то деревнях с простыми людьми, в Литве или в Эстонии, допустим, я жила в других каких-то условиях, но это всегда были встречи с обычными простыми людьми, которые продолжают жить своей обычной, достаточно изменившейся жизнью. Моей целью было рассказать, что произошло с той или иной отраслью промышленности, рассказать так, чтобы это возможно было читать, и через это рассказать о том, что вообще происходит в стране. У меня не было поставлено задачи рассказывать о том, как люди относятся к России или к русским. Для меня, в общем, не это было важно. Мне было интересно просто увидеть, как живут люди. Мне кажется, что так или иначе я это увидела. И вот за эту работу добрый Павел Семенович дал мне премию Союза журналистов России, я не знаю, оправ-

данно это или нет, но вот я хотела бы, возможно, просто прочитать несколько кусочков, может быть, тогда будет понятно, о чем и как идет речь. Скажем, для меня очень сложной была поездка на Украину. Извините, я говорю на Украину, если здесь есть украинцы, я не могу привыкнуть говорить в Украину, в этом нет никакого оскорбления. Я не считаю, что Украина это остров, как Куба, просто сложившаяся привычка. Сложность поездки на Украину заключалась в том, что все настолько родное, все настолько свое и настолько похожее, что об этом очень тяжело писать просто как журналисту. Потому что если ты едешь в Африку, куда я много раз ездила, то там ты, вы понимаете, там даже шариковая ручка будет какая-то другая, африканская. Можно ее взять, положить перед собой и два часа описывать, всем будет интересно. Вот ты едешь на Украину, и там все точно такое же, и из этого довольно тяжело сделать какую-то интересную историю. Но на Украине я поехала специально в два разных конца, во Львов, — это одна Украина, и в Запорожье, которое совершенно другая, тяжелая такая, пролетарская Украина. И было очень интересно их соединить. Вот я вам прочитаю просто начало украинской статьи. Перед тем, как я прочитаю, скажу еще следующее, что я, к сожалению, не знаю, как на эти материалы реагировали люди в этих странах. Я знаю, что «Новую газету» читают, но реакция мне неизвестна. Может, там это вызвало какое-то страшное раздражение, но мне хотелось бы верить, что нет. Материал по Украине начинается так:

«Вот страна. На одном конце живут обломки австро-венгерской империи с польским замесом. На другой — обломки советской, тоже с замесом, но казачьим. Одни обломки красивые, но прижимисты и обидчивы, и с таким гонором, что инородцам здесь лучше вообще и не пробовать селиться. Другие обломки основательны, но тяжелы и малолюбопытны. Любая попытка их соединения напоминает галушки с начинкой из дыни «колхозница» или сало в шоколаде — каждый продукт по-прежнему хорош только по отдельности. Великим поваром станет тот, кто найдет правильный рецепт этой украинской кухни фьюжн.»

Но вот повара, к сожалению, пока что нет. Конечно, я, когда ездила, то, естественно, судила обо всем со своей колокольни русского интеллигента. Я думаю, что колокольня русского интеллигента сама по себе достаточно толерантна, видишь ты все достаточно нормальным взглядом. Ты видишь, конечно, и какие-то смешные вещи, на той же Украине на рынке ко мне привязалась торговка, которая долго очень шла за мной и кричала на замечательном суржике, на котором там разговаривают: «Женщина, вы шо, папарацця? Ну вы что,

папарацця, шо ли, тут меня сымать?» И вот таких ситуаций было много, это было очень забавно. Она отвела меня в милицию, посчитав, что меня подослали киллеры. Я подумала, какое количество сериалов эта тетенька за свою жизнь посмотрела. Но надо сказать, что запорожская милиция меня спасла. Она меня спасла и сказала тетке, чтобы она шла на место, торговать.

Из статьи про Украину я бы хотела прочитать еще такую специальную врезку внизу статьи, «Лирическое отступление от правил поллиткорректности»:

«Я стою в густой толпе во дворе бывшей львовской тюрьмы НКВД. Накануне в униатском соборе была вывешена записка: «Запали свічку, схили голову, промов молитву в пам'ять про тих, хто був знищений [уничтожен] більшовицькою системою в катівнях НКВД в червні 1941 року». Здоровые парни принесли большой самодельный некрашенный деревянный крест и теперь водружают его у стены, когда-то залитой кровью самых разных людей, которых объединило одно — они были ни в чем не виноваты.

Советские войска в 1939 году здесь встречали хлебом-солью, солдат закидывали охапками цветов и мечтали о новой счастливой справедливой жизни. Не сбылось ничего или почти ничего — вместо счастливой жизни начались массовые репрессии, крушение надежд и обман. Мне грустно — ведь то, что могло объединить нас: общая боль, общие страдания, общее желание свободы, — на самом деле разъединило. Они признали только свою боль, посчитав всех русских виновными, забыв, скинув со счетов, что у нас все началось на двадцать лет раньше и миллионы нас, независимо от национальности, также жрали лагерную баланду. Они не хотят ничего простить, не понимая, что простить вовсе не значит забыть.

...Я стою у кирпичной тюремной стены и пою со всеми «Ще не вмерла Украина». Я путаю слова, да я просто и не знаю их — но это не важно, важно, что она не вмерла, и я радуюсь этому вместе со всеми и плачу вместе со всеми по тем, кто никогда уже не сможет ни произвести, ни спеть ни одного слова. Я понимаю, чувствую, я знаю — мы же братцы, ужасные братцы и никого на свете ни у них, ни у нас братее нет и не будет.»

Украина, конечно, очень близкая и родная, я не хочу сказать, что это была моя любимая поездка, у меня не было из этих тринадцати поездок любимой. Была самая сложная поездка, конечно, в Туркме-

нию, когда пришлось просто обмануть туркменские власти, чтобы туда попасть, и это отдельная история. Вот первая моя поездка была в Грузию, как раз, когда начиналось «боржомское дело» в Грузии. То есть я сидела в Боржоми, вместе с сотрудниками «Боржоми», и мы смотрели по телевизору начало травли «Боржоми». И вот мне хочется почитать вам, вы извините, что я читаю свое — так получается, мне хочется прочесть начало материала про Грузию, который был написан уже в разгар разрыва отношений, он вышел осенью прошлого года.

«А с Грузией ведь все просто — виноват, как обычно, Пушкин. Ну что стоило ему не написать «На холмах Грузии лежит ночная мгла, шумит Арагва предо мною...». И ненавидели бы мы ее сейчас как полагается, со всей полнотой великодержавного чувства. Так ведь нет же, противный арап, написал, и именно на холмах, а не на холмах, и пленил этой Грузией всех, всех влюбил в нее. Хачапури, цинандали, застолья, большие грузинские поэты, переводимые лучшими русскими поэтами, мечтательное и грустное грузинское кино — все это будет позже, а сначала были только эта ночная мгла и шумящая Арагва, но и их хватило, чтобы навсегда зачаровать. Было и еще одно, знакомое с детства: маленькая грузинская княжна, 16 лет от роду вышедшая замуж за русского дипломата, алмаз «Шах», полученный за его гибель, и гора с горделивым для русского слуха названием Мтацминда.»

И дальше идет рассказ о том, откуда взялось боржоми, и там не обошлось дело без русских солдат, это такая интересная история, у кого то что-то заболело, они попили водички, все прошло, потом заболело у дочки большого начальника, и тоже порекомендовали, и так дошло до Петербурга, и в конце 19 века начались уже такие промышленные разработки боржомских вод.

Замечательная совершенно поездка у меня была в Киргизию. Я прожила пять дней на джайлоо. Джайлоо — это высокогорное пастбище. Я прожила там несколько дней в очень простой семье у совершенно обожаемой мной старухи, ее зовут Жаныл. Извините, если здесь киргизы, я знаю, что я это неправильно произношу, но произнести не могу нормально. Моя единственная просьба, когда я приехала в Киргизию, была, чтобы меня знакомые отвезли куда-то на высокогорное пастбище и чтобы там были люди, которые говорят по-русски, потому что если никто не говорит, то ехать и жить там бессмысленно. Меня привезли в некую деревню, в отрогах гор, недалеко от Иссык-Куля. Я зашла в юрту, там сидела старуха, и я, собрав все свое знание тюркских языков, я ей сказала так, я решила спросить,

говорит ли она по-русски, и спросила: «Урус йок»? Она посмотрела на меня загадочно и ничего не ответила. Тогда я второй раз спросила то же самое, «Урус йок?», считая, что если мне понятно, что я спрашиваю — вам ведь вот понятно? — то и им должно быть понятно. Она опять на меня посмотрела загадочно. Думаю, Боже, куда меня привели? Она же не только по-русски, она по-киргизски не понимает, хотя я, по моему мнению, спрашиваю на чистом киргизском языке. И когда я спросила в третий раз то же самое, она повернулась к моему спутнику и сказала на чистом русском языке: «Слушай, чего она меня спрашивает?» Дальше выяснилось, что она — вот понимаете, такие вещи бывают только с журналистами, наверное. Вот ты приезжаешь Бог знает куда, в какую-то абсолютную дыру в горах, в невысказанную красоту, в несусветную красоту, ты заходишь в юрту и ты встречаешь там совершенно необыкновенного человека. Она закончила школу в семнадцать лет с золотой медалью и собиралась быть журналисткой, хотела поступать на журналистику. Но практически с рождения она была обручена. И она вышла замуж, и родила шестерых детей. Я говорю, «ну ты жалеешь, что не стала журналисткой?» Она мне отвечает, «ну как это я жалею, когда я родила шесть детей». Замечательный такой, очень женский, очень красивый ответ. И потом она мне рассказала, что она до сих пор пишет, она исписала целую 96-страничную тетрадку историями из своей жизни, из жизни предков, и вот ее все отношение к жизни просто какое-то замечательное, и я не хочу говорить «мудрость», потому что все говорят «мудрость, мудрость». Я все время вижу Киргизию через эту Жаныл, и Жаныл для меня и стала Киргизией. Потому что когда меня люди спрашивают, что такое Киргизия, я сразу вспоминаю, как мы сидели в юрте, и наши с ней разговоры.

В Киргизии есть такая как бы проверка на вшивость, в России проверка на вшивость — читали ли вы «Мастера и Маргариту», как известно. Я вам тоже прочитаю кусочек.

«Мы с Жаныл говорим об Айтматове. Она здесь такая же проверка на вшивость, как «Мастер и Маргарита» в России.

— Вот такой один роман у него есть — «КЫЛЫМ КАРЫТАР БИР-КУН». Читала?

— Может, и читала. Как по-русски-то будет?

— Сейчас скажу... День, который...

Она подбирает слова. Она переводит мне на русский строчку из Пастернака. Айтматов назвал этой строчкой роман о буранном Едигее.

— Вот, — говорит она. — По-русски будет так: «Один день, длинный, как век».

И прибавляет:

— Вишь ты, это, значит, сколько несчастья было, что день оказался бесконечным.

— А может, наоборот — счастья? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает она убежденно, — счастье так долго длиться не может.

Мы сидим вдвоем около юрты. Вокруг зеленые ели до самого синего неба и бархатная трава. Неподалеку от нас пасется желтый конь Гульсары. Айтматов теперь страшно далеко — в чужом и холодном Люксембурге. Пастернак уже почти пять десятилетий лежит под серой плитой в Переделкине.

— Жаныл, — спрашиваю я, — ты пишешь стихи?

— Ну так, иногда.

И, глядя на горы, на небо, на жизнь, читает по-киргизски:

Дальше мы приводим ее стихотворение по-киргизски и параллельно перевод по-русски. Я прочту по-русски:

Горы горы
Снежные вершины
Горы горы
Зеленые ущелья
Смотрю на горы
С тайным восхищеньем —
Вы не умеете
Стареть как люди

Потом с трудом поднимается на подточенные костным туберкулезом ноги, берет железное ведро, залатанное старым болтом, садится около коровы, обмазывает ей вымя остатками сметаны и, с силой надавливая на соски, выпускает из них струи молока.

Она делает это каждый день последние полвека.»

Я не знаю, имеет ли это все отношение к толерантности, но мне почему-то кажется, что люди, которые это прочитали, что они также, как и я, полюбили совершенно далекую Киргизию и Жаныл.

И вообще, я хотела сказать, что все мои поездки, наверно, так или иначе были пронизаны, пропитаны любовью. Просто любовью — не к каким-то конкретным людям, а просто любовью, может, поэтому они прошли невероятно удачно. Просто сладкий сон, все эти замечательные поездки.

Вот Спитак, очень грустный армянский город, который все сейчас забыли, но который знал весь мир в конце восьмидесятых годов, во время перестройки, и Спитаку это очень помогло. И до сих пор, уже 19 лет после землетрясения люди живут в железных вагончиках, и есть люди, которые, когда их спрашиваешь, «едите ли вы мясо?», — они говорят с гордостью «да, на Новый год». И от этого, конечно, ты испытываешь страшный стыд. Но понимаешь, что помочь ничем не можешь...

Мне никак не хотелось касаться политики или каких-то политических моментов. Потому что их коснулись без меня в достаточном количестве большие политики. А мне хотелось говорить про что-то другое. Но допустим, в такой стране, как Узбекистан, избежать этого полностью было невозможно. Потому что когда я туда приехала, опять-таки через знакомых знакомых, и мы приехали в деревню под Самаркандом, где я три дня прожила, то моя новая знакомая, сотрудница музея самаркандского, она мне сказала «Знаешь, что? Давай мы не будем говорить, что ты журналист». Я говорю, а кто же я тогда буду? Она говорит, — а мы скажем, что ты писатель. Я говорю, — а какая разница, писатель или журналист? Она, — «ну журналист, понимаешь, он ходит как сволочь и вопросы всем задает». А писатель — он себе все пишет, пишет, пишет.» И я на три дня в Узбекистане стала писателем, и даже подзаголовок материала узбекского «Черновик романа о белом золоте». И когда я была писателем узбекским, то на меня никто особо внимания не обращал, и все это сошло, хотя, надо сказать, что паранойя в какой-то момент меня охватила, совершенно мне не свойственная, я на самом деле стала считать, что у меня должны отнять все пленки, все должны засветить, что меня должны арестовать, и что-то такое со мной должно там произойти совершенно ужасное. На самом деле ничего со мной не произошло, и никто на меня никакого внимания не обращал. Но вот послесловие к Узбекистану такое:

«Мои паранойя и мания преследования стали рассасываться, только когда самолет миновал узбекское воздушное пространство. И уже в Домодедове, пройдя пограничников и проплыв мимо таможенников на зеленый коридор, я окончательно поняла, в какой бесконечно счастливой и потрясающе свободной стране я живу! Вот за это, пожалуй, я и могу сказать спасибо президенту Каримову, повторив за мудрецами, что все познается в сравнении.»

Тем не менее в Узбекистане я встретила совершенно чудесных людей, и гостеприимство было на высшем уровне, и что люди могли дать, то они давали с радостью. Я встретила там чудесных русских

людей, я была там в музее Есенина и в музее Ахматовой, где замечательный директор, такая пожилая дама. «Пожилая Дама», я, естественно, написала с большой буквы, потому что Дам, которые в таком возрасте умеют так держать спину, я и в России вижу крайне редко. А ты приезжаешь в Узбекистан и знакомишься с Дамой, которая 60 лет назад, как оказалось, в Ташкенте видела некую высокую горбоносую женщину в ложноклассической шали, которая во время войны была туда эвакуирована и читала свои стихи, и дама об этом помнит...

Это была совершенно фантастическая находка: ты сидишь посередине Азии, и тебе рассказывают про Анну Андреевну, или про других замечательных русских дам, которые там были в эвакуации. И ты понимаешь, что истории настолько связанные, и все это так или иначе связано с Россией, с русской культурой, и будет связано, и дай Бог, что связано, потому что в этой связи я ничего дурного на самом деле не вижу. Хотя, конечно, должна сказать, что русский язык везде съезживается, скукоживается, отступает и образуется лакуна, и лакуна эта в большинстве стран ничем не заполнена. Я не могу сказать, что везде наступил английский век. Я не могла бы это сказать даже и о Прибалтике. Допустим, в замечательном городе Вильнюсе я шла по улице и спрашивала нескольких людей, говорят ли они по-русски, — в ответ на меня смотрели примерно так, как будто я задала этот вопрос на языке кения-руанда, урду или там ханты-манси. Страшно меня это удивило — не потому, что люди должны говорить по-русски, абсолютно не должны. Но когда меня спрашивают «Шпрехен зи дойч?», хотя я совершенно не «шпрехен зи дойч», я понимаю, что меня спрашивают, потому что это такая общая фраза. Но почему в Литве как-то так странно реагировали, я до сих пор не поняла. После этого я стала спрашивать, говорят ли люди по-английски, и на меня смотрели так же. После этого я стала спрашивать, говорят ли люди по-французски, и на меня продолжали смотреть так же. Я понимаю, что это выборочно, это ты идешь по улице, а по соседней улице идут все, которые говорят по-английски, по-французски и по-китайски, и все это достаточно субъективно, но тем не менее вот лакуна — русский ушел, а пространство пока ничем не заполнилось. И на самом деле грустно, потому что было бы хорошо, чтобы и русский был, и пространство заполнялось чем-то еще. Я думаю, что мозгов в головах у всех хватит, чтобы знать там три языка. И если русский не ведет себя агрессивно, то я думаю, что он совсем не так плох. И вот отдельно скажу о своих трех путешествиях в Прибалтику — потому что в Эстонии уже начиналась «бронзовая» возня, но я специально была у этого памятника, специально пошла посмотреть, что этот памятник

из себя представляет. На нем была совершенно достойная надпись — что-то типа «павшим на фронтах войны». А рядом с достойной надписью действительно стоял солдат который и Берлин штурмовал, и арестовывал эстонцев, литовцев и латышей и увозил их в Сибирь. Почему нельзя было как-то договориться, допустим, оставить надпись и поменять сам памятник, и почему нужно было там выкапывать людей, этого я вот понять не могу. Тем не менее опять-таки скажу, что нигде в Прибалтике ко мне никто плохо не отнесся. Замечательно везде относились. На «Ливико», на фабрике, где делают ликер «Вана Таллин», по-моему, были очень рады, что кто-то приехал из России, и что в России помнят и интересуются, и у них какая-то идет торговля. В Латвии я была на ВЭФе, ВЭФ купил русский человек родом из города Ефремова Тульской области, который при слове «Ефремов» начинает растекаться и совершенно умирать. Но когда говоришь ему, «может, Вам надо поехать в Ефремов пожить?», он говорит «нет, я лучше тут вот, в Риге немножко поживу. А в Ефремов я езжу летом».

И о Литве тоже у меня были прекрасные, самые замечательные воспоминания. Я там была в доме у человека, который занимается янтарем, у него несколько янтарных музеев. Я была на хуторе, у женщины, которая создала этот хутор. Ну, теперь это такой хутор для богатых людей, скажем, не для очень богатых, но для людей с хорошим доходом. Создала она его из ничего, и очень было интересно вообще во всех странах смотреть за тем, как люди начинали жить по-другому и по-другому делать карьеру. «Литовцы подготавливаются жить», — так называется статья, это фраза одного из моих героев. Вот эта женщина, хозяйка хутора, она мне сказала: «У меня такое ощущение, что я только сейчас начинаю жить. А все предыдущие жизни, они как бы были где-то, это не мои». А человек, который занимается янтарем, сказал примерно так: «На моих глазах распадалась империя, материально державшая людей. Фундамент был полностью выбит из-под ног. Я впервые понял, что теперь мы все должны для себя делать сами. Я до сих пор помню, как почувствовал невероятную привлекательность этого «сами».

Через месяц после Литвы я еду в Туркмению. И там разговариваю с очень интеллигентным человеком, географом, директором заповедника, и он мне говорит диаметрально противоположное. Он мне говорит: «Ты знаешь, когда мы жили в Советском Союзе, в общем у нас тут все было, о нас заботились. И когда развалился Союз, то у нас было ощущение, что отрубили голову, и мы не знали, что делать». И я подумала, как же далеко друг от друга эти страны. И не только географически. Литовцы, которые почувствовали привлека-

тельность этого «сами», и туркмены, которые почувствовали себя обезглавленными. Может, из-за этого ощущения обезглавленности и произошло с Туркменией то несчастье, которое с ней произошло и, судя по всему, продолжает происходить.

Вот что я еще хочу сказать. Еще я обнаружила такую забавную вещь на всем постсоветском пространстве — великую объединительную силу под названием «Советская армия». Вот, например, сижу я в Туркмении под какой-то чинарой или шелковицей с человеком, который мне рассказывает о своем маленьком бизнесе, и я говорю, — как вы хорошо по-русски говорите. А он мне — а я служил в Шауляе в радиолокационных войсках. Или я встречаю людей в Узбекистане, которые служили на Камчатке, кто-то служил в Эстонии, и все они выучили язык. Поэтому естественно, мужчины почти во всех странах язык знают лучше, чем женщины. Это было очень интересно наблюдать — вот такую созидательную роль советской армии, языковую как бы, лингвистическую.

Я не знаю, есть ли здесь люди из бывших республик, вот я вижу только Руту Пельс из Эстонии, мы учились вместе на одном курсе, а, вот из Грузии вижу людей — замечательно. То есть, есть люди из республик, я вам хотела сказать, вам всем, огромное спасибо за мои поездки, это был абсолютно счастливый год, который я провела. Если через двадцать лет я буду жива, я хотела бы еще раз всех объехать в полной надежде, что я опять смогу ночевать не в гостинице, а у кого-то в домах. Спасибо. (*Аплодисменты*).

Павел Гутионтов. Большое спасибо. Завершая наш круглый стол, хочу отметить, что особенно удачным мне кажется выступление Вики, хотя и она, к сожалению, не удержалась и один раз слово «толерантность» все-таки произнесла. Хотя, если говорить серьезно, именно Вика нам блистательно продемонстрировала, чем должна заниматься социально и политически ответственная журналистика вообще и социальная и политически ответственная журналистика той страны, которая полагает себя великой, а именно российская журналистика. Вот. К сожалению, таких примеров у нас очень немного. Если бы мы пытались провести конференцию и пригласить в качестве выступающих только авторов именно таких материалов, я думаю, она была бы крайне немногочленной. Сейчас же я попрошу, если мои коллеги хотят, сказать по одной фразе в заключение нашего разговора По одной фразе, одному абзацу. Равиль, пожалуйста.

Равиль Бухараев. Я чрезвычайно благодарен самой возможности принять участие в этом круглом столе, я очень много интерес-

ного услышал, и главным образом хочу подтвердить ту мысль, которой я закончил. Что вопрос толерантности, мы все время переводим в политическую плоскость, а надо его убирать из политической плоскости. Потому что, как Вика сказала, любовь есть толерантность. Если мы будем помнить об этом, все остальное приложится. Спасибо.

Алексей Кара-Мурза. Я единственный из выступавших, кто ни за что не поблагодарил ведущего — Пашу Гутионтова. Я это делаю сейчас. Спасибо.

Сулиета Кусова. Я нахожусь под впечатлением от самой встречи с Викторией Ивлевой. Сажу за одним столом с живым классиком... Первое, что я подумала: ведь во многих республиках и я была, — а сколько не увидела. И какой слог, какое проникновение. Думаю, Господи, ведь есть же, есть же журналисты! И как телевизионщик я подумала, — это же готовый сценарий для телефильма о бывшей империи СССР. Но я думаю, что это случится не скоро на телевидении, да и дай Бог, что это состоялось в печатном слове. Спасибо. Огромное спасибо.

Павел Гутионтов. И наконец, Вика, в качестве живого классика. Последнее слово.

Виктория Ивлева. Я, собственно говоря, хотела обратиться к молодым людям, которые здесь сидят. Вы не жили в Советском Союзе, и для вас на самом деле Душанбе, или Хорог, или, я не знаю, Спитак — это звук пустой. Но я должна вам сказать, что когда ты приезжаешь в город Кушка, — а все, кто жил в Советском Союзе, помнят, что такое город Кушка, — потому что нас всегда учили, что Советский Союз идет от Северного Ледовитого океана и заканчивается в городе Кушке Туркменской ССР. (Реплика П.С.Гутионтова — от мыса Челюскин). Так вот, когда ты находишься в городе Кушке, где я, наверное, единственная из российских и каких бы то ни было журналистов была за последнее время, и когда ты стоишь там на холме... Я тут сделаю маленькое отступление. Кушка теперь называется Серхет - Абад, Кушкой она называется только в обиходе, но я знаю человека, он у въезда в Кушку забетонировал название «Кушка», его заставили. Он забетонировал его внутрь Серхет-Абада, так чтобы когда-нибудь его можно было отбить обратно, т.е. снаружи Серхет— Абад, а если заглянуть внутрь -, то там будет Кушка, т.е. она как бы есть, и он мне очень гордо об этом рассказал. И я теперь думаю, как об этом напи-

сать, чтобы этого человека там не урыли. Так вот, ты стоишь на холме в Кушке, и ты смотришь налево, а перед тобой, над тобой возвышается примерно пятиметровый романовский крест, который водрузил в 1913 году прапорщик с совершенно идиотским именем, его звали Аминас Баранов. Это белый каменный крест, и внутри была часовня, она сейчас заперта, и ты стоишь под крестом, и крест, надо сказать, — тут туркмены промахнулись, — крест выше, чем мемориал Туркменбаши, он вообще выше всего, этот крест, он парит над Кушкой — и ты смотришь налево, и если очень хорошо приглядеться, ну совсем-совсем хорошо, то ты видишь Северный Ледовитый Океан, а направо, и приглядываться не надо, через 15 метров Афганистан, — то это, в общем, внушаить. Это ощущение, — конечно, это не имперское ощущение, — это ощущение пространства, невероятного, к которому ты когда-то имел какое-то отношение. Я думаю, я бы хотела, чтобы вы просто знали, что это все есть, оно существует, оно рядом. И нужно это беречь, и нужно ко всем относиться абсолютно как к равным, просто потому что мы все равны, потому что мы все живем на этой земле. И если это будет, то вот это слово мудреное, я имею в виду «толерантность», может его не нужно будет употреблять, и все будет тогда нормально.

И вот что я хочу еще вам сказать, — мы прожили ведь совершенно пять волшебных лет, может быть семь волшебных лет, с 86 по 93, когда было не стыдно за свою страну, когда ты входил куда угодно, дверь открывал коленом и говорил, что ты из России, и все обалдевали. Вот больше этого не повторяется, и за страну становится стыдно, и ты бочком протискаешься и говоришь, что ты русский. Вот. Я бы очень хотела, чтобы вы дожили до того времени, когда будет опять не стыдно. Потому что когда не стыдно, то начинаешь совершенно неистово эту страну любить. И едешь в другие страны, по-прежнему неистово любя свою дурацкую Россию. Мне кажется, это не самое плохое чувство.

Тут меня назвали живым классиком. Так вот, живой классик закончил. (*Аплодисменты*).

Павел Гутионтов. В заключение скажу, что время нашего разговора истекло, так что в полном соответствии с принципами толерантности, во время этого круглого стола никому, кроме заранее запланированных выступающих, слова предоставлять не будем. Спасибо, до свидания. (*Аплодисменты*).

